

18+

ЖЕРТВА И ХИЩНИК

ЗОРИЙ ШОХИН

Зорий Шохин

Жертва и хищник. Роман

«Издательские решения»

Шохин З.

Жертва и хищник. Роман / З. Шохин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988180-9

Эдюля еще в детстве понял, что люди делятся на голодных и пресыщенных, на толпу и элиту или — жертв и хищников. Сам же он словчил и нашел теплое местечко ровно посередине, между теми и другими. Когда в его жизни случайным образом проявился давний обидчик Фрэнк Бауэр, заносчивый профессор с революционными политическими взглядами, он придумал хитроумный план отмщения. Постепенно затягивая петлю, Эдюля с ликованием потирал руки в предвкушении скорой расплаты, не подозревая, что сам стал жертвой.

ISBN 978-5-44-988180-9

© Шохин З.
© Издательские решения

Содержание

– 1 —	6
– 2 —	11
– 3 —	14
– 4 —	18
– 5 —	22
– 6 —	26
– 7 —	31
– 8 —	35
– 9 —	39
– 10 —	43
– 11 —	45
– 12 —	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Жертва и хищник

Роман

Зорий Шохин

Редактор Сергей Барханов

Корректор Оксана Сизова

Дизайнер обложки GermanCreative

© Зорий Шохин, 2020

© GermanCreative, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-8180-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— 1 —

Человек, который сидел напротив, вызывал у Сандры чувство брезгливости. Упитанная фигура, туго затянутая в дорогой костюм, – ни дать ни взять сарделька в лоснящейся шкурке. Лицо круглое, женоподобное, дышит угодливостью. Маленькие глазки стараются избегать прямого взгляда. Да и цвета они какого-то неопределенного, желтовато-серого. Если бы не визитная карточка с золоченым тиснением «Организация Объединенных Наций», она бы давно постаралась от него избавиться.

– Миссис Хиггинс... – Казалось, голос у посетителя скользит по паркету в невидимом танце. – Вы не представляете себе, какое для меня удовольствие встретиться с вами...

Казалось, язык его упакован в чехол. И еще этот тяжелый, спотыкающийся русский акцент!

Сандра не произнесла ни слова и только нетерпеливо кивнула. Надо было подтолкнуть его поскорей раскрыть карты. Но незнакомец был не так прост.

– Поверьте мне, я просто поражен. Да-да, поражен! – слегка всплеснул он руками, и глаза его приобрели томное выражение. – Все, что я о вас слышал, оказалось правдой. Вы производите невероятное впечатление...

От льстивого пафоса Сандру слегка передернуло. Она нетерпеливо постучала пальцами по поверхности идеально прибранного стола. Не может быть, чтобы он не понял этого намека. Но посетитель лишь радостно улыбнулся:

– Я восхищен! Просто восхищен и...

– И?..

– И хотел бы предложить вам свое сотрудничество.

Это была уже наглость, лишь слегка замаскированная под восторг. Для чего это вдруг ей, Сандре Хиггинс, известной в определенных кругах как Сандра-Акула, сотрудничать с таким скользким типом?

Чтобы скрыть свои чувства, Сандра изобразила на лице ледяную вежливость.

– Мистер...

– Зарецкий... Эдди Зарецкий.

– Так вот, мистер Зарецкий, – американцы неспособны произнести букву «Й» в русской фамилии, – я не совсем понимаю, о каком сотрудничестве идет речь?

Человек по другую сторону стола хихикнул. Смех был приторным и рассыпался по кабинету мелкими шариками.

– Вы правы! Вы правы! Вы правы! Я должен был объясниться: я – друг конгрессмена Грэга Томлинсона и ищу, куда можно вложить деньги. В наше время самая перспективная отрасль – электроника, а ваша фирма...

Что ее фирма? Последнего предложения он так и не закончил. Пауза застыла в воздухе, как карта в руках опытного игрока: поди пойми, туз это или шестерка. Оставалось лишь догадываться, знает он о ее финансовых затруднениях или нет? Судя по всему, знал...

Они блефовали оба, и оба знали, что блефуют. Еще полгода назад Сандра бы вышвырнула его из своего кабинета без всяких церемоний. Но сейчас она не могла себе этого позволить.

– Вы действуете от имени Организации Объединенных Наций? – тоном чиновника, интересующегося анкетными данными просителя, осведомилась она.

Хихиканье стало переливчатым.

– Как бы вам сказать... – скромно потупился гость. – Пока от своего собственного. Но не скрываю, не скрываю – буду счастлив рекомендовать вас генсеку!

– Слушаю вас, – бросила Сандра взгляд на «Ролекс» на левой руке посетителя.

– Видите ли, – теперь его голос журчал, – электроника...

– Мистер Зарецки, вы правда думаете, что мне надо объяснять, что такое электроника?
– Но перспективы...

– И перспективы тоже, – слегка поморщилась Сандра. – Не могли бы вы сразу перейти к делу?

– Хорошо... хорошо... хорошо! Сотрудничество со мной принесет вам большую пользу...

Он тянул разговор, как резину, и это ее раздражало.

– Вашу фирму ожидает только процветание, если...

– Мистер Зарецки, – оборвала его Сандра-Акула, – конкретно сколько вы готовы вложить?

Сейчас он назовет цифру в пару сотен тысяч, и она, выплеснув на него все свое ледяное презрение, встанет из-за стола и закончит эту неприятную беседу. Посетитель еще не успел раскрыть рта, а она уже жестко добавила, мстительно улыбнувшись:

– У нас серьезные масштабы, мистер Зарецки, и мелкие вкладчики нам не подходят.

Но случилось нечто совершенно неожиданное. Посетитель, чуть поерзав в кресле, наконец решился и опасно стрельнул в нее неопределенным взглядом желтовато-серых глаз.

– А сколько бы вас устроило?

– По крайней мере миллиона два—три, – высокомерно вздернула брови Сандра.

Еще один взгляд, и тонкие губы посетителя расплылись в смущенной улыбке.

– Для начала я бы предложил вам пять. А потом...

Что? Пять лимонов? Для начала? Внутри у нее поднялась теплая, освобождающая от сковывающей ее тревоги волна. Неужели такое возможно? Неслыханно! Это бы просто спасло фирму...

Плещущийся угодливостью торопливый голос продолжал с энтузиазмом:

– У меня много влиятельных друзей, миссис Хиггинс, и если наше сотрудничество будет для нас обоих удачным, то я бы мог значительно расширить круг наших вкладчиков.

Слово «наших» резануло слух, но Сандра сдержалась и только слегка закусила губу. А посетитель с жаром продолжал:

– Конгрессмен Томлинсон – лишь один из моих влиятельных друзей, и я назвал его лишь потому, что не хотел, чтобы вы видели во мне назойливого клиента с улицы.

Он все говорил и говорил, но Сандра его уже почти не слышала. Она со скоростью компьютера подсчитывала в голове, как и на что потратить плывущую ей в руки спасительную сумму. До ее сознания доносились лишь обрывки фраз визитера:

– Мои связи с Госдепартаментом и Пентагоном... Когда мы говорили с премьером Англии Тони Блэром... Президент Путин сказал мне...

Ее вдруг как током ударило: а что, если все это не что иное, как жульничество? Просто какой-то шулер разрабатывает многоходовую комбинацию? Сандра-Акула мгновенно оскалила полную убийственных зубов пасть:

– Я надеюсь, вы свяжете меня с вашим банком, мистер...

– Зарецкий, миссис Хиггинс... Зарецкий...

– Мне бы хотелось убедиться, что такая сумма действительно имеется у вас на счету.

Толстячок вильнул бедрами на стуле и мгновенно достал из кармана мобильный телефон.

– Нет-нет, не беспокойтесь, мистер Зарецки, – пронзила его клинком ядовитой иронии Сандра, – я сама! Название банка и номер счета...

Сандра нажала кнопку и сказала секретарше:

– Дженни, свяжитесь...

– С «Дойче банком», – угодливо заерзал на стуле посетитель.

– С «Дойче банком», – повторила Сандра. – Номер счета?

– Я вам дам код, – с готовностью откликнулся тот, – вы можете проверить через компьютер.

– Я предпочитаю телефон, – пошевелила Сандра в воздухе двумя пальцами.

Она явно его унижала, но посетитель не обращал на это внимания. Сандра гадала, почему он готов сносить все ее штучки. Но ответа на свой вопрос найти не могла.

– Позвольте бумажку? Я напишу... Но потом... потом мы ее порвем, – хихикнул он.

Сандра просвечивала его недоверчивым взглядом.

– С ответом придется немножко подождать, – юлил он. – Надеюсь, вы не возражаете?

– Я подожду, – произнесла она.

В ее голосе свирепствовал холод. Им можно было бы заморозить не плюгавого посетителя – мамонта. Но этот тип на такого рода шпильки не реагировал.

– Конечно-конечно! Сколько угодно! – хихикнул он.

– Хотите закурить? Я-то сама курю...

– Нет-нет! – живо откликнулся посетитель.

Не обращая внимания на его присутствие, Сандра повторила секретарше номер счета. Как он сказал? Набрать и забыть немедленно?

Время шло. Посетитель с интересом оглядывал кабинет. Потом, чуть ерзая, достал из портфеля записную книжку и стал перелистывать странички. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке, но помогать ему Сандра не собиралась.

Прошло минут пятнадцать. Наконец, раздался голос секретарши:

– Миссис Хиггинс, менеджер отдела вкладов на проводе...

В трубке раздался мужской голос:

– Хеллоу! Слушаю вас, миссис Хиггинс!

– Может ли мистер Зарецки перевести на счет моей фирмы сумму в пять миллионов долларов?

Если бы кто-нибудь позволил себе так растоптать ее человеческое достоинство, она бы ручаться за себя не стала. Но этот тип только моргал своими желто-серыми, словно смазанными жирком глазками.

– Если он отдаст нам такое распоряжение письменно, – прозвучал в трубке ответ, – мы его, конечно, выполним.

Сандра нервно облизала губы и обаятельно улыбнулась.

– Надеюсь, вы не обиделись, мистер Зарецки?

– Эдди! – с готовностью поправил он ее.

Но Сандра сделала вид, что не слышала.

– Простите, но это необходимая в наши дни проверка. Без нее, к сожалению, не обойтись.

– Да-да, я понимаю! Понимаю! – журчал теперь куда уверенней голос посетителя. – Конгрессмен Томлинсон меня предупреждал: вы – талантливый руководитель. И только поэтому я решил обратиться именно к вам. Смею вас уверить, с моими связями фирма получит возможность...

Теперь Сандре и русский акцент, и некоторые огрехи в его речи казались не уликами, изобличающими коварные планы, а своего рода экзотикой. Она готова была простить ему не только это. И все же она не была бы Сандрой-Акулой, если бы не раскрыла перед его носом свою полную острейших зубов пасть.

– Оставьте конгрессмена, мистер Зарецки! В Америке тысячи компаний, занимающихся электроникой. Почему вы выбрали именно мою?

Посетитель – теперь он перешел в ранг гостя – заторопился ответить. Круглое женоподобное лицо его дышало такой убедительностью, что другой на месте Сандры должен был бы ощутить чувство неловкости, а может быть, даже стыда за свое недоверие.

– Миссис Хиггинс, я советовался со своими друзьями...

– То есть вы хотите сказать, что обладаете полной информацией о моей компании?

Только теперь до гостя дошло, какую опасную ловушку она ему подстроила. Ну-ка, реши: сознаваться или нет в том, что он знает, в каком трудном положении оказалась она, Сандра Хиггинс, в последнее время?! Ведь скажи он «да», нет никакой гарантии, что дело выгорит. Такие бабы не дадут собой командовать. А если «нет» – она его легко поймает на лжи.

Сандра внимательно следила за его реакцией. Но вот ведь удивительное дело: любой вопрос, каким бы провокационным он ни был, отскакивал от него, как резиновый мяч от стенки.

– Я вас понимаю, Сандра... то есть, простите ради бога, миссис Хиггинс...

Чуть сморщившись, Сандра прищурила левый глаз. Такой жест куда больше подошел бы таможенному офицеру, который обратил внимание на подозрительный чемодан и требует от его владельца предъявить паспорт. Гость снова слегка заерзал на своем стуле и правдиво захлопал редкими ресницами. Сандра же с невольным удивлением подумала о том, как естественно он ввернул в разговор легкую фамильярность, сразу же вернувшись к своему прежнему приторно-льстивому тону! Пустил пробный шар, увидел, что пока еще рано высовываться, – и хоть бы хны.

Гость умильно улыбнулся и замахал руками:

– И не только понимаю – восхищаюсь! За такую пронизательность и ум любой из нас был бы готов...

Его опять понесло по волнам на надувной лодчонке пафоса, и ведь как он здорово ею маневрировал, а?!

Сандра усмехнулась.

– Насколько я понимаю, это ваш проверенный способ прятаться от неудобных вопросов? – подпустила очередную шпильку она.

Гость явно не знал, как ему вести себя, и Сандру это вполне устраивало.

– Ну, так что же вам все-таки известно о моей компании?

Все, она схватила его, как рыбак пойманную рыбу, которую тот крепко держит в руке! Но ей только так показалось. Она даже не заметила, как он, словно угорь, выскользнул снова.

– Позвольте-позвольте, но это ничего не изменит! Моя решимость сотрудничать с компанией...

Сандра-Акула отстала. Жертва оказалась проворней.

– Хорошо, – решительно положила она руку на стол, – но я вас заранее предупреждаю, мистер Зарецки: решаю я, а не вкладчики. И если вас это не устраивает...

Гость согласно затряс головой.

– Конечно, конечно, конечно!

Сандра милостиво кивнула.

– И если мы с вами сойдемся, мои юристы внесут это в договор, мистер Зарецки.

Он привстал с места, словно демонстрируя, что больше не смеет задерживать столь занятую деловую женщину, как Сандра Хиггинс. Его блестящий, как шкурка сардельки, костюм слегка замерцал в потоке бьющего из окна солнечного света.

– Да, кстати, мистер Зарецки, а что вы делаете в Организации Объединенных Наций?

Теперь, когда он поднялся, стало заметно, что он невысокого роста, а дорогой костюм не в состоянии скрыть выпирающее брюшко.

Гость на секунду замер, но тут же выпрямился, отчего стал даже несколько выше.

– Я заместитель председателя одного из подкомитетов помощи голодающим в Африке.

Довольный собой, он слегка поклонился, исполненный собственного достоинства и либеральной толерантности. И тут снова произошло то, чего Сандра меньше всего ожидала. С придворной учтивостью былых времен посетитель осведомился:

– Позвольте поцеловать вашу ручку?

Сандра опешила: черт-те что – только этого ей не хватало! Но она и так уже проволокла гостя мордой по полу, а перебарщивать не следовало.

– Если вам это доставит удовольствие, – королевским жестом протянула она ему свою руку.

Гость поднес ее к губам, прикрыв глаза, словно почувствовал аромат необыкновенно тонких и оригинальных духов.

— 2 —

Эдюля... Эта кличка закрепилась за ним еще в школе. Уж кто-кто, а он прекрасно знал изъяны своей внешности. Сколько он тогда настрадался! Какие только не испытывал на себе экзотические диеты! К каким врачам не обращался! И повсюду его ждало жестокое разочарование. «Можно изменить форму носа или губ, но овал лица останется тем же, – объяснило ему однажды медицинское светило из Лос-Анджелеса. – Убрать морщины и бородавки, только цвет кожи и выражение глаз будут прежними».

Глядя на себя в зеркало, Эдюля уже с ранней юности испытывал противоречивые чувства. С одной стороны, неизъяснимую муку: ну почему, почему, почему он такой вот толстенький вертлявый живчик, а не атлет с рекламного плаката? А с другой – самое горячее к самому себе сочувствие. Ненавидя свое отражение, он до слез обожал того, кому суждено было им пользоваться всю его жизнь...

Возвращаясь от Сандры Хиггинс, Эдюля довольно быстро обуздал всколыхнувшиеся эмоции. Начальный приступ бессилия и презрения к самому себе прошел. Кто-нибудь другой на его месте, долго не раздумывая, поставил бы эту сучку на место, громко хлопнул дверью и ушел. И чего бы добился? То-то и оно! Нет-нет, он, Эдюля Зарецкий, сделан из другого теста! Стерпит любую спесь. Ответит угодливостью на беспардонное хамство. Но свое, желанное – получит. Таков его личный метод борьбы с несправедливостью в мире. Кстати, с его помощью он, слава богу, никогда не остается в накладе.

Сандра, без сомнений, стерва – у нее это на морде написано. Умна, энергична, расчетлива. Компьютер! Но и у нее есть свои слабые струнки. И он, Эдюля, просто обязан их нащупать...

Есть категория женщин, которые не поддаются возрасту. Они с ним даже кокетничают. Но Эдюля лишь насмешливо ухмыльнулся: ничего против этого он не имеет. Иногда даже азартно подмигивает: давай-давай, но меня ты не проведешь! Не всякая дама решится регулярно перетягивать кожу и тратить на прическу среднюю месячную зарплату. А именно мимо таких возраст, ухмыляясь, проходит куда ленивее. Сколько раз перетягивала морду Сандра, известно лишь врачам-косметологам и господу богу. Да взглянуть хотя бы на ее прическу! Таковую под силу соорудить разве что ювелиру. А макияж? Его и опытный художник будет подбирать, как неотразимый ракурс. Так что ж удивляться, что она и выглядит как высокооплачиваемая модель? И все же этот потасканный еврейский невротик, Джошуа Шмулевич, прав: есть в ней что-то от акулы. Чего стоит только стеклянная голубизна глаз или улыбка! Увидишь – и сразу же ощутишь холодок за шиворотом. Как только с ней мужики спят? В ней ведь сексапильности не больше, чем жалости к страждущим.

Впервые Эдюля услышал о Сандре Хиггинс от Джошуа с год назад. Его матери он приходился очень далеким родственником: не седьмой, а десятой водой на киселе. Но Эдюля все же нашел его и уже не отлипал, ведя длинные и многословные разговоры о крепости семьи.

Джошуа был довольно успешным и известным в своих кругах киноагентом. В его офисе всегда шустрили мечтающие о карьере молоденькие хищницы экрана и охотящиеся за ролью нагловатые хлыщи. Можно было даже встретить модного режиссера или актера. А Эдюля был тщеславен, и, кроме того, связи с этим старым сатиром давали массу преимуществ. Это ведь какой кайф – вдруг неожиданно бросить: «Кто, Джордж Клуни? Мы с ним вчера обедали». Или сделать вставочку: «Стивен сказал мне... Как какой? Стивен Спилберг, конечно...»

Джошуа терся с кинолюбимчиками, а кино всегда было в глазах Эдюли самым верным способом вложить не очень чистые денежки. Но с Шмулевичем, подсказывал ему инстинкт, не стоит этого делать: игрок!

– Вы, американцы, должны многому поучиться у России, – втолковывал он насмехающемуся над ним родственничку. – Знаешь, сколько баксов можно отмыть на парочке телесериалов? Кто там проверит?

Но старый плейбой лишь со смехом отмахивался.

– Мы с тобой в чем-то, как это ни печально, схожи, Эдьюля! – говорил он. – Ведь одинаковые заряды друг от друга отталкиваются, а мы притягиваемся...

Вот и сейчас Эдьюля вновь появился в его офисе и пристал к Джошуа, словно с ножом к горлу.

– А знаешь, я был у твоей Сандры Хиггинс...

Он бесцеремонно плюхнулся в глубокое кожаное кресло и оглядел стены с висящими на них кадрами из разных кинофильмов. Кого только здесь не увидишь!..

Джошуа нехотя задвигался в своем массивном кресле.

– И как? Успешно?

– Ты, Джош, и правда словами не разбрасываешься. У тебя каждое – на сто каратов.

Джошуа попытался просверлить его презрительным взглядом, но сверло только скривилось. Тот еще тип...

– Она, конечно, не из Голливуда, где ты так настойчиво шарить, – бросил он гостю, – но денежки в нее я бы и сам вложил. Если бы у меня их было как у тебя, – хохотнул он.

– Сучка она, – построил уморительную рожу Эдьюля.

Шмулевич прыснул хохотком.

– И это я от тебя, Эдьюля, слышу? – Отставив картинно в сторону большой палец, Джошуа, потешаясь, подмигнул. – Не бзди! Вот такая кандидатура!

– Ты только и знаешь, что паясничаешь! – досадливо откликнулся Эдьюля.

Тяжелые, словно отлитые из бетона, морщины на лице Джошуа неприязненно шевельнулись, но взгляд оставался по-прежнему насмешливым и пытливым. Он явно себя сдерживал. Контролировал...

– Знаешь, что у нее за компания?! Электроника – это тебе не кино! Да ведь тебе что талдычь, что не талдычь. Ты, Эдьюля, варвар: что блесит, то тебя и тянет. Сам ведь самородок от пустой породы в жизни не отличишь, а лезешь! Я же, в отличие от тебя, – игриво пошевелил он пальцами, – в гинекологию... шучу, шучу... в психологию не суюсь, ха-ха, хотя кое в чем разбираюсь...

Эдьюля проглотил хамство: не в его правилах было портить отношения с нужными людьми.

– Да, ты не гинеколог! Но ты очень неплохой, несмотря на твою скромность, психолог! Поэтому я и пришел к тебе.

Джошуа чуть скривился и обвел Эдьюлю оценивающим взглядом. Что-то в нем всегда его пугало и настораживало. И он, не скрывая пренебрежения, бросил:

– Сандра еще недавно знаешь куда бы тебя послала? Но сейчас... Если не станешь кочевряжиться, денежки сами тебе в лапы заспешат. Кино ему, видите ли, больше нравится...

– А с чего это она вдруг на меня, по-твоему, должна клюнуть? – поинтересовался Эдьюля.

– Если голоден, ты и требухи вместо гусяной печенки нажрешься. А вместо коньяка – дерьмового самогона... – В голосе старого плейбоя зазвучало презрение аристократа к плебею.

Эдьюля, конечно, высказал бы ему все, что о нем думает, но старый хрен был ему по-прежнему необходим. С такими связями...

– Джош, если ты так с родственниками...

– Ты просил меня узнать, куда деньги вложить, – я узнал. Тебя не поймешь: мылкий ты какой-то!

– А она... ну... с голой жопой не оставит?

– Кого? Тебя? Ты сам оставишь... – Джошуа прищурился и состроил хитрющую гримасу. – Ну как? Пульсик заспешил? Такой шанс раз в сто лет выпадает, и то не всем и не всегда.

Намек был груб, как дешевая порнография. Эдюля разозлился:

– Она что, за рекламу тебе платит?

Старый киноволок оглядел его сверху вниз, как граф оплошавшего лакея.

– Впрочем, возможно, она и впрямь тебе не по зубам. Экземплярчик еще тот! Знаешь, это ее зятек, Фрэнк Бауэр, так прозвал: Сандра-Акула!

Он чуть помолчал и проказливо хмыкнул. У Эдюли потемнело в глазах. Наверное, резко подскочило давление. Главное, чтобы этот старый жох ничего не заметил.

— 3 —

Фрэнк!.. Кроме этого имени, Эдюля ничего не слышал и не хотел слышать. У него и вправду подскочило давление. Стиснуло голову. Он лишь видел, как двигаются губы и брови Джошуа. Как появляется и куда-то уплывает ухмылка на его губах. Но все это происходило словно на экране.

Прошло, пожалуй, минуты две, покуда он не пришел в себя. Судьба сама подбросила ему джокер. И он будет идиотом, если им не воспользуется. Ох и расквитается же он с этим спесивым наглецом! Ведь сколько лет он представлял себе, как это произойдет. Все, однако, вышло совсем иначе, чем он мог себе представить...

Наконец, Эдюля пришел в себя. В носу немного покалывало. Так бывало всегда, когда прозрение еще не оформилось, но уже явственно ощущалось.

– Кто-кто-кто? – мгновенно переспросил Эдюля.

– Сказал же я тебе: Фрэнк Бауэр. – В голосе Джошуа звучало удивление. – Ты его что, знаешь?..

Эдюля не видел Фрэнка уже лет пятнадцать, а то и больше. Но его облик застрял в памяти, как защищенный и продублированный файл в жестком диске компьютера.

Фрэнк был полной противоположностью Эдюле, воплощением всего того, о чем тот напрасно мечтал всю жизнь. На низеньком толстеньком Эдюле любой костюм смотрелся как шкурка на сардельке, которая вот-вот лопнет. Фрэнк же выглядел как следящий за собой, подерживающий спортивную форму франт. Только вообразите: высокий седеющий мачо, мужественная осанка, элегантность в каждом жесте, ироничный взгляд, острый как бритва язык. И вдобавок ко всему этому оттенок легкой небрежности в обращении с окружающими. Сукин сын и козел, душа компании и язвительный вытыкала, циник и покоритель женских сердец...

Одного никогда не мог постичь Эдюля: почему Фрэнк испытывал к нему такую ненависть? Правда, если начистоту, скорее гадливость. Полтора десятка лет пытался Эдюля разгадать этот психологический кроссворд, но не находил нужных ответов.

Эдюлю до сих пор пробирает озноб, когда он вспоминает о первой с ним встрече. Когда их представили друг другу в университетском кампусе, Эдюлю, как струя кипятка, ошпарила кривая ухмылка Фрэнка. Оказалось, кто-то из недоброжелателей уже успел облить Эдюлю ушами грязи. Надо было только видеть взгляд, который бросил на него этот мачо от науки. Если заглянуть глубже, Эдюля уже тогда почувствовал, что этот человек станет его заклятым врагом.

Свою карьеру в Штатах Эдюля начал как энергичный и перспективный советолог. Этому поспособствовало не только советское удостоверение о присвоении ему звания доктора исторических наук, но и визитная карточка из Израиля. Ее носитель, говорилось в ней, – профессор и директор научно-исследовательского института политических исследований.

Появление Эдюли на скучном университетском ландшафте заинтриговало позевывающих профессоров. Он с гордостью перечислял должности, занимаемые им в Москве, и свои бесчисленные связи. Достаточно фамильярно, как о более чем хороших знакомых и близких друзьях, отзывался о членах Политбюро, поражая слушателей своей осведомленностью о кремлевских тайнах. Но бенефис продолжался недолго. Пару месяцев. А затем грянул гром.

Кипучая энергия загадочного советского светила поразила воображение перегруженных мелкими сварам стареющих американских профессоров. Но на одном из заседаний университетского сената Фрэнк Бауэр, вернувшийся недавно из Израиля, взорвал сонные будни околонаучной общественности рассказом о том, что Эдюлю лишили всех его ученых степеней еще в Советском Союзе. Мало того, его репутация и в Израиле была крайне сомнительной. Благодаря своей ловкости и умению лавировать в мутной тине сплетен и росказней Эдюля ловко вписал себя в фамильное древо одного из отцов нации, благодаря чему тот ему охотно и про-

тежировал. Эдюля даже стал издавать политологический журнал и переманил в него высокопоставленных беглецов из Восточной Европы. Там он публиковал написанные за немислимо короткое время толстые монографии о советских вождях. Конечно, за своей собственной подписью. А кроме них, не без расчета еще и диссертационные муки нужных людей. По слухам, им очень заинтересовалась израильская разведка – «Моссад».

Расправу с Эдюлей Фрэнк Бауэр обставил так, словно раздавил попавшееся ему на пути насекомое. Он накопал в русскоязычных эмигрантских изданиях целую кучу самых невероятных Эдюлиных росказней, включая цитаты из секретнейших стенограмм Политбюро. Эдюлю выставили из университета без церемоний и в самые короткие сроки. Для кого-то другого это стало бы непоправимым фиаско. Для Эдюли же – пусть и болезненным, но поводом для нового витка таинственной карьеры. Кому и для чего он оказался нужным, оставалось только догадываться. Изгаляясь, Фрэнк перечислил все известные секретные службы, от Москвы до Вашингтона и от Пекина до Лондона и Парижа, уверяя слушателей, что Эдюлю они используют как совместный презерватив. Сполоснули – и снова в действие...

От всего этого у Эдюли осталось омерзительное ощущение оплеванности. Когда он вспоминал об этом, а это случалось довольно часто, ему становилось не по себе...

По-видимому, он все же прокололся. Старый кинопират вдруг насторожился:

– Ты что, знаком с ним?

Профессиональный браковщик дарований, Джошуа Шмулевич уже давно распознал, с кем имеет дело. Эдюля с его живучестью и мистической приспособляемостью вызывал у него острейшее любопытство. Где вы еще встретите такой талант – вылезать чистеньким из выгребной ямы, даже оказавшись на ее дне?

– Слышал что-то, – досадливо кашлянул Эдюля. Впечатление должно было быть таким, словно у него что-то застряло в горле.

– Сандра его на дух не переносит...

Эдюля сделал вид, что хмыкнул. Ждал, что Джошуа продолжит. По позвоночнику, слегка покусывая, проскользила змейка возбуждающего предчувствия. Но тот отвлекся.

– У нее юбилей скоро. Пятьдесят пять. Дата!

Эдюля насторожился. Джошуа это заметил и вставил язвительную ремарку:

– Тебя, кстати, дружок, она бы не пригласила, – хохотнул он.

Эдюля пропустил его шпильку мимо ушей. Ему нужна была информация.

– И что этот самый Фрэнк Бауэр? – чтобы отвлечь Джошуа, спросил он.

– Уж не собираешь ли ты светские сплетни? – спросил тот подозрительно.

Эдюля же сделал вид, что любопытство его было праздным, и картинно зевнул. Киноволк потерял бдительность и махнул рукой.

– Впрочем, ее можно понять: единственная дочка замужем за этим старым бузотером и скандалистом.

– Сколько ему там, этому Фрэнку? – лениво пожал плечами Эдюля.

Джошуа рассмеялся.

– Можешь позавидовать: старше Сандры! Еще тот задира и пижон! Как только где-нибудь появится, сразу все внимание на него...

Интуиция никогда еще не подводила Эдюлю. Змейка в позвоночнике, юркнув куда-то вниз, исчезла. Зато зачесались ладони. Давало о себе знать хорошо знакомое ему шестое чувство. Надо было во что бы то ни стало разговорить старого скептика. А сделать это можно было, понимал Эдюля, только одним путем: продемонстрировать равнодушие. Всерьез он, мол, самого Джошуа тоже не воспринимал и не воспринимает.

Эдюля поморщился, слегка побарабанил пальцами по журнальному столику и замурлыкал какой-то мотивчик. Джошуа это разозлило: кажется, этот пройдоха-азиат забыл, с кем имеет дело!

Чтобы поставить его на место, он хмуро произнес:

– После публикации его «Импотенции духа» многие из коллег его просто терпеть не могут.

– С чего вдруг? – рассеянно осведомился Эдюля. – Он что, философ?

Джошуа презрительно скривил нос.

– Философ! Философ у нас ты, а он...

Эдюля зевнул и сделал вид, что не расслышал. В голосе Джошуа засквозила злая насмешка:

– Ты что, не знаешь? Чем острее и обиднее, тем для болванов убедительней.

Сдерживаясь, Эдюля скрипнул зубами. Буравивший его взглядом Джошуа довольно усмехнулся.

– Его конек – психология масс. В общем, хрень, которая дает возможность выпендриться.

Эдюля снова зевнул.

– Надо же! – сумел он вывернуться и разыграть удивление. – А что, темочка модная...

В ответ во взгляде Джошуа вдруг заиграла сословная спесь, и он нанес Эдюле неожиданный апперкот.

– Не зазнавайся! Это же не ты со своими рассказками. На его лекции политики валом валят...

Эдюля от злости напыжился, но, чтобы не показать, как его это задело, предусмотрительно втянул в себя большую порцию воздуха. Старый еврей пронизателен, как детектор лжи. Не дай бог, у него возникнет хоть малейшее подозрение.

– А что Сандра? – словно подняв белый флаг, спросил он.

– Не темни, хитрец, что ты хочешь разузнать? – нервно откликнулся Джошуа. – Я тебя, как рентгенолог, изнутри вижу...

Эдюля сделал вид, что обиделся на Джошуа, но готов все простить.

– Ладно, от тебя только гадости и слышишь! – ворчливо бросил он. – Но для меня ты все равно родич, а это куда больше, чем друг. – И уже совсем примирительно: – Одного понять не могу: и как она все это терпит?

– Теща! – ухмыльнулся кинозавр. – Интересно, кто там будет на ее юбилее? Томлинсон, конечно же, обязательно прискачет...

Он сразу же опомнился, сообразив, что позволил себе лишнее, и хлестнул Эдюлю, как нашкодившего мальчишку, взглядом-плеткой.

– Да, кстати! Ты же говоришь, он твой приятель. – В его голосе зазвучал глумливый сарказм, и Эдюля поежился. – Ты с ним что, в дорожную частную школу ходил? Или девочек ему поставлял?

Эдюля терпеливо махнул рукой: с тобой, мол, только свяжись! Я бы такого от другого в жизни не снес. Ответил бы. И еще как!

И, подчеркивая преданность родичу, смазал горчицу елеем:

– Знаешь, я просто поражаюсь твоим связям! Ты – гений общения!

Лесть – всегда козырь. Даже если льстит тот, кого ты не ценишь. Джошуа потянулся к бутылке с кока-колой.

– Будешь?

Эдюля энергично замахал руками.

– Нельзя, нельзя! Диабет.

– Да она ведь диетическая...

– И все-таки. Стараюсь! – якобы поосторожничал Эдюля.

Цель-то ведь у него была совсем другая. Он хмыкнул и лениво спросил:

– А что, Бауэр этот твой, зятек ее, тоже там будет?! Могу себе представить, как они встретятся...

Джошуа поморщился и махнул рукой.

– Сода и кислота! В последний раз он вдруг заявил, что политика подобна торговле живым товаром. Ты мне ту, что посмазливей, а я тебе надбавочку! Разница, мол, лишь в том, что занимаются ею не сутенеры, а вполне уважаемые джентльмены.

Джошуа был доволен произведенным на Эдюлю впечатлением. Он даже почувствовал своего рода удовольствие, словно совершил маленькое, но открытие.

– Знаешь, до чего докатился? Что, мол, дайте ему только деньги и время, и он на пари любого актеришку просунет если не в Сенат, то в Конгресс.

Выражение лица у Эдюли стало таким, что Джошуа довольно расхохотался. Да и мог ли он представить себе, какое впечатление произвели его слова на Эдюлю? А между тем в голове у того уже что-то вертелось, скрежетало и крутилось. Пока, правда, на холостом ходу. Но хотя он еще не знал, к чему это приведет, в носу покалывало от возбуждения.

– Джош, – вдруг сказал он вкрадчиво, – клянусь тебе, ты – самый умный и прозорливый из всех людей, кого я знаю. Если поставить всех в ряд, тебе нет равного. А ты ведь знаешь – у меня их целая дивизия. Ты не просто рентген, ты – тимограф по своей проницательности. Ты ведь знаешь, наверное, что такое тимограф?

– Томограф, – не смог унять Джошуа Шмулевич невольный смешок.

– Да-да, – тут же согласился Эдюля, – но ты забыл: я ведь родом из России, а там этот прибор называется тимограф. Так вот ты – как он. Все видишь, все знаешь и можешь все разложить по полочкам.

– Дикарь ты, Эдюля, хотя и профессор, – ворчливо отозвался старый киновок.

— 4 —

Эдюля поймал такси и назвал адрес своего дома. В голове был сумбур. Одна за другой вспыхивали и гасли обрывки мыслей. Казалось, идиот киномеханик, словно издеваясь, прокручивает перед ним кадры бесконечной киноленты. От этого еще сильнее чувствовались возникающие, когда он нервничал, желудочные спазмы. Эдюля старался привести мысли в порядок: сравнить, сопоставить, выбрать. Но у него ничего не получалось, и от этого становилось еще хуже.

Конечно, старый клоун Шмулевич был до интимности знаком с человеческой фауной. Еще бы, столько лет нырять в вонючее болото богемы с ее завистью, обидами и калечащей конкуренцией! Не будь у него такого опыта жизни и проницательности, он бы преуспел на поприще маклера от искусства?! Смешно! Но старый проходимец мудр, как библейский змей. Не он ли поучал Эдюлю, что за изощренными манипуляциями жрецов искусства кроются жажда успеха и эгоизм? И что их фанфаронство не что иное, как амбиции и спесь, приправленные страхом отстать и быть обойденным другими? Теми, кто более молод, ловок и хваток. По слухам, дед этого мудака был киевским сапожником и вовремя удрал от погромов. Полуслепой, он всю свою жизнь чинил обывателям дырявые туфли, но сына в университет послал. А внук стал одним из китов Голливуда...

Боль потихоньку стихала, но озноб остался и все еще бил его. Эдюле, по сути, повезло: он встретился с заклятым врагом не вплотную, а, так сказать, опосредствованно. Лицом не к лицу, а к спине. Враг не только не видел его – не мог знать, что он так близко. И это давало неповторимый шанс. Ведь Эдюля не нападал, а защищался. А если ты в опасности, то, чтобы спастись, позволено все. Даже, незаметно подкравшись сзади, нанести сокрушительный удар. Главное – неслышно и незаметно. Чтобы враг не успел обернуться...

Вопреки правилам Эдюля сам себя причислял к исключениям. Если бы он играл по правилам, он бы всегда проигрывал. Поэтому он их инстинктивно остерегался. Он ведь по духу совсем не мачо. Не боец. Не рыцарь. И потому должен действовать совершенно иначе. Его способ защиты – мимикрия. Как у хамелеона. Недаром Гришечка Шапиро, сидевший с ним за одной партией шесть лет, именно с хамелеоном сравнивал Эдюлю. Но Эдюля хоть и слышал про такую тварь, никогда ее воочию не видел.

– А что это за зверек такой? – изображая наивность, спросил он у этого занудливого, типично еврейского мальчика. Может, тот не очень-то знает, о ком идет речь.

Но Гришечка только насмешливо улыбнулся:

– Да зверек такой маленький. Чтобы не заметили его, цвет меняет. Так он и добычу схватит, и от опасности спрячется...

– Ну ты и сука! – не сдержавшись, зло отреагировал Эдюля.

Что стоило тогда Гришечке отступить, пожалеть Эдюлю, пойти на примирение, а он...

– А что, давать тебе все списывать – не сука, а правду сказать – сука? – спросил он.

Видно, ему все же стало жаль Эдюлю, и он слегка смягчил вскипевшую в себе злость.

– Хамелеон – охотник в засаде. Пока сидит, притаившись, какая-нибудь бабочка, кузнечик, сверчок или маленькая ящерица появится, он их – цап...

Но про себя Эдюля решил, что Гришечка по сути прав. Если бы он, Эдюля, не стал охотником в засаде, ему бы тоже выпала судьба жертвы. И его бы сожрали. Так что мимикрия не только оборона, но и оружие. Потому что если ты сам не злодей, то должен уметь противостоять злодеям.

Весь жизненный опыт, с раннего детства, убедил Эдюлю, что лучшим способом избавиться от неожиданной угрозы может оказаться ловушка. Капкан или, если хотите, западня. Ведь он, Эдюля, не сделал Фрэнку Бауэру ничего плохого. Не помешал. Не подгадил. Не бро-

сил в беде. Чего же тогда тот сам, без какой-либо причины или повода, устроил ему полтора десятка лет назад публичную казнь? Фактически высек в присутствии почти всего профессорского состава университета! Мало того – обесценил, жестоко и подло посрамил его научные звания, которыми Эдюля так гордился. Так что теперь уже не он, Эдюля, управлял собой, а нахлынувшая на него жажда мести.

Постепенно мысли его обрели приемлемую и даже четкую форму. И план стал вырисовываться сам по себе. Предстояло, правда, продумать все до мельчайших деталей. До самой последнего атома, нет – до иона! Взвесить. Убедиться. Перепроверить. Чтобы не было никаких неожиданностей. Ведь Фрэнк Бауэра предстоит поймать на его слабости, иначе ничего не выйдет. Он, по сути, раб чести, рыцарь слова и от сказанного ни за что отказываться не захочет.

И Эдюля задумал ловушку. Вернее – капкан! Такой, что не вырваться. Не сбежать! И поставит он его, подобно Гришечкиному хамелеону, сам, охотник в засаде, а не кто-нибудь другой. Причем неотразимой приманкой станут деньги. Вернее, их болезненная утрата. Мимикрия и вправду безотказное оружие. Жертва сама ринется в западню, а он, Эдюля, только хлопнет за ней дверцу. Только деньги должны быть крупными. Чтобы сердце зашлось болью, а мозг воспалился от ярости. К счастью, его конкуренты... нет, по правде говоря, враги... не бедны. Фрэнк – из богатой семьи калифорнийского судьи. А его теща, Сандра-Акула, – владелица крупной компании.

Вопрос лишь в том, на чем их побольнее прижучить и что легче всего отобрать? Причем так, чтобы никакие шакалы от юриспруденции не смогли вцепиться и отобрать потерянное. Есть же у любого из них что-то, что, если можно так выразиться, не очень надежно защищено. Но что? Где? В чем?

Помочь могла только логика, а ею Эдюля владел пусть и инстинктивно, но творчески. Итак, рассуждал он, тривиальный треугольник: Сандра Хиггинс, ее дочь Нэнси и муж Фрэнк Бауэр! Все они люди небедные и в своей среде достаточно известные. Ну, Нэнси, жена Фрэнка и дочь Сандры, конечно, скорей привесок. Брать в расчет надо только тещу и зятя, которые друг друга, как он понял из слов старого змея Джошуа Шмулевича, терпеть не могут.

Несколько дней Эдюля мучился, пока не остановился на наиболее невинном и не вызывающем подозрения варианте. Все должно свестись к старой как мир схеме треугольника ревности. Надо найти жиголо и убедить гадкого утенка – молоденькую жену Фрэнка Бауэра, что на самом деле она – дивный лебедь, но об этом не догадывается. Сандру-Акулу рога на голове ее зятя вряд ли огорчат. А вот этого избалованного бабами и скандальной славой мачо и гордеца выставят на посмешище. Однако это лишь начало: по мере развития событий он, Эдюля, придумает что-нибудь куда похлеще и побольней.

Эдюля пришел к выводу, что в таком случае самое приличное и надежное – пари. Скандальное! Вызывающее любопытство! И, конечно, на крупную сумму. Причем чем она больше, тем лучше. Устроить его будет вовсе не легко, но возможно. Надо только срочно придумать, что может стать его причиной. А решать, как и через кого это устроить, Эдюля будет уже потом.

Начни он выяснять нечто подобное через знакомых или родственников Фрэнка или Сандры – слух об этом непременно дойдет до них самих, и вся его затея лопнет. Подбираться к цели надо издали, и если пользоваться чьим-то советом, то наводками и слухами.

Эдюля отправился в Бруклин. Здесь он нашел маленькую и тесную мастерскую электроники и обратился к бородатому парню, копавшемуся в чем-то на столе. Появление его здесь, по-видимому, выглядело несколько необычно, ибо хозяин мастерской уставился на него, не произнеся ни слова.

– Мне нужно специалиста...

Парень не отводил от него взгляда. Ждал, пока Эдюля продолжит. Догадавшись, что на бородача произвел впечатление его костюм, Эдюля сразу же на ходу придумал соответствующую легенду.

– Жена моего сына нашла любовника, а сына выгнала. Думаешь, легко мне в этом признаться? Но у этой сучки денег куры не клюют. Как полагаешь, можно в Интернете найти что-то, за что адвокат уцепится?

– Сколько? – только спросил бородатый малый.

– Что сколько? – притворился Эдюля, что не понимает, о чем речь.

– Сколько готов заплатить?

Эдюля сделал вид, что задумался.

– Долларов сто... Двести, – глядя на парня, бросил он.

– Пятьсот...

– Триста, – сказал Эдюля, но парень покачал головой и снова начал возиться в каком-то электронном дерьме.

– Ладно, пятьсот! – сделал вид, что с трудом, но решился, Эдюля.

Видно было, что малый жалеет, что не назвал сумму куда крупнее. Но понимал, что откажись он – посетитель уйдет к соседям.

– Данные, – раздраженно бросил он.

– Сандра Хиггинс. В Сан-Франциско. У нее компания своя. Электроника вроде...

– Завтра, – сказал парень.

– Сегодня и сейчас! – Эдюля сделал вид, что вот-вот направится к выходу.

Зыркнув по нему взглядом, хозяин мастерской сел за компьютер.

– Она «Ламборгини» недавно купила, – поднял он глаза на Эдюлю. – Вот фотография. Хвастается...

Ободренный, Эдюля оставил чек, сел в машину и покрутился минут десять, пока не нашел еще одну мастерскую.

– Привет! – сказал он. – Надо доказать, что у моего зятя, сукиного кота, денег подкожных куры не клюют, а он мою дочь выгнал и еще цента денег давать не хочет...

Выдумка его в обоих случаях была дешевенькой, но и те, кому она предназначалась, тоже не Эйнштейны. «Почему именно Эйнштейны?» – подумал он, но ничего в голову не пришло.

Толстый мужик за прилавком просканировал его взглядом и спросил:

– Кто он?

– Профессор один. Говнюк...

– Когда надо?

Эдюля не спасовал:

– Сейчас!

– А осилишь?

– Смотря сколько. Но должен осилить.

– Тогда пять сотенных.

Мотаться в поисках еще одной такой лавочки из-за пары сотен Эдюле не хотелось. Он снова сделал вид, что колеблется. Минуты две простоял, пока владелец мастерской занимался своим делом. Потом громко вздохнул и якобы вынужденно согласился:

– Ладно!

– А ну подробнее о нем! Об этом твоём «профессоре»... Фамилия, имя, где живет, работает...

– Фрэнк Бауэр. В Лос-Анджелесе.

Толстяк сел за компьютер.

– Он пару месяцев назад музею на выставку какую-то картину давал... Устроит?

– А что за картина?

– Да Дали какой-то. Сальвадор...

– Дорогая? – входя в образ, осведомился Эдюля.

– На триста тысяч застрахована.

Настроение Эдюли поднялось. Готовиться к продолжению битвы он начал сразу же. Без промедлений. Ведь недаром пословица говорит, что железо нужно ковать, пока оно горячо. Теперь предстояло лишь найти посредника. Причем такого, кто бы подтолкнул старого козла и акулу пойти на спор. Нелегко, но возможно. Перебрав в уме несколько кандидатур – больше не было, – Эдюля остановился на Грэге Томлинсоне. Если удастся, дело будет сделано. Он умен, циничен, быстро схватывает и способен на риск.

— 5 —

Еще не так давно Грэг Томлинсон был высокопоставленным чиновником ФБР и подолгу допрашивал Эдюлю. А делал он это по-настоящему профессионально. Если у контрразведчика есть актерский талант, убедился Эдюля, он добьется в жизни того, что другому и не снилось. Эдюля живо представил себе высокую, подтянутую, как у хищника, фигуру за столом в просторном кабинете. Всегда тщательно выбритое ироничное лицо и пронизывающий насквозь гипнотизирующий взгляд. Томлинсон владел им, как опытный пианист регистрами мелодии.

Если в глазах Томлинсона появлялась поощрительная усмешка, Эдюлю это искренне радовало и даже возбуждало. Причем настолько, что он старался сохранить растроганную улыбку на лице как можно дольше.

Если же интересующая Томлинсона информация была неполной или, как тот подозревал, Эдюля что-то недоговаривал, одного еле заметного движения бровью Томлинсона было достаточно, чтобы Эдюля почувствовал, как холодеют у него ноги, а желудок сжимается в надежде на скорое освобождение от содержимого. В такие моменты взгляд раздваивающе-внимательных глаз собеседника ассоциировался у Эдюли с экраном детектора лжи.

По-видимому, Томлинсон понимал это, а потому с грустью в голосе напоминал Эдюле, что это не допрос, а откровенная дружеская беседа. Стоит ли удивляться, что Эдюля доверчиво раскрывал перед ним все свои самые тайные уголки подсознания. Это давно известно: при длительных допросах между следователем и допрашиваемым возникает своего рода доверие. Кстати, даже искреннее. Ни один прихожанин не выворачивал душу перед окошком исповедника с таким трепетом и надеждой на избавление от грехов, как это делал Эдюля в кабинете у Томлинсона.

Больше всего того интересовало, с какими спецслужбами, когда и как Эдюля в прошлом сотрудничал. Шла ли речь о его связях с КГБ в России или с израильским «Мосадом», он должен был все подробнейшим образом изложить. И хотя Эдюля не был настолько наивен, чтоб верить в проницательность Томлинсона, он на всякий случай в мельчайших подробностях пересказал все, что помнил. Перед ним Эдюля ощущал себя голым, как грешник в аду.

Как-то раз Томлинсон, видимо в шутку, спросил Эдюлю: а что, если бы ему важно было узнать что-то о его, Эдюли, собственной матери? Эдюля почувствовал, как сердце уходит в пятки, а зубы выстукивают мольбу о пощаде.

– Ладно, Эдвард! – насмешливо улыбнулся учитель и наставник. – Можете не отвечать. Я вам верю!

– Вы еврей? – спросил он у своего «подопечного» однажды, хотя представить себе, что он не знал об Эдюле все, вплоть до размера трусов, было невозможно.

И Эдюля мгновенно покаялся:

– Только по матери, и то на четверть, а по отцу...

– Да нет, – остановил его Томлинсон, – это я просто так...

Кстати, впоследствии Эдюля связывал его с нужными людьми из бывшего СССР. А Томлинсон, если это ничего ему не стоило, помогал Эдюле. Сейчас, заново взвешивая все обстоятельства, Эдюля решил: при умной игре Томлинсон стать связующим звеном не откажется.

Вечером он позвонил ему:

– Сенатор Томлинсон?

На секунду трубка замолчала, а потом послышался едкий голос:

– Вы ошиблись, Эдвард! Я только конгрессмен...

– Вы достойны быть сенатором, сэр! Да-да, и не только сенатором.

Торопливый разговор Эдюли наслаивал слово на слово, как бусинки на ожерелье.

Но Томлинсон довольно бесцеремонно его прервал:

– Чем могу служить, милый друг?

Томлинсон явно иронизировал. Вспомнил даже название известного романа Ги де Мопассана о жуликоватом жиголо, о котором как-то упомянул в беседе с Эдюлей. Тот же в литературных тонкостях особенно не разбирался. Его притягивала не эрудиция, а корочки дипломов, которые он в конце концов получал. Ведь благодаря им он мог куда легче и вернее строить свою карьеру.

– У меня к вам дело, конгрессмен! И очень срочное, – накручивал слова, как пасту на вилку, Эдюля, чтобы ухватить как можно больше.

– Я вас слушаю! – вежливо, но холодно откликнулся мобильный телефон.

– Сенатор... нет, простите, конгрессмен...

– Эдвард, а нельзя ли ближе к делу?! – повеяло холодом от телефона.

– Да-да-да! Но было б лучше при встрече...

– Это что, так срочно? – Ответивший явно взвешивал, соглашаться или нет, и давал это понять звонившему ему. – Хорошо! В девять я буду в даунтауне, там ресторан...

– Нет-нет, лучше где-нибудь в «Старбаксе», конгрессмен, – плел свою паутину Эдюля.

Он уже успел до этого вызвонить нужных людей в шести посольствах бывших мусульманских республик СССР. Намекнуть им, что мог бы поспособствовать в поставке современного нефтяного оборудования, а это означало – оружия. А когда речь шла об оружии, все препоны отслаивались. Эдюля не в первый раз выступал тайным посредником в такого рода сделках. Ведь только благодаря им он и пробрался в один из самых затхлых комитетов ООН.

«Старбакс» Эдюля выбрал где-то у черта на куличках. Сел у входа на кухню и оттуда разглядывал всех, кто входил в дверь. Перед прилавком толпились студенты. Рядом с ним за столиком сидел какой-то тип и что-то искал в ноутбуке. Минут через десять он ушел, и Эдюля решил, что Томлинсон не явится. И именно в этот миг высокая и статная фигура конгрессмена возникла в двери. Оглядев помещение и увидев Эдюлю, он направился к его столику. Тот, вскочив, стал переставлять стул, чтобы гостю его было удобней садиться.

Томлинсон уселся, улыбнулся и внимательно взглянул на суестьегося Эдюлю.

– Не мельтешите, Эдвард! Лучше сразу к делу...

Эдюля состроил озабоченное выражение лица и таинственно произнес:

– Меня просили выяснить кое-что о поставке нефтяного оборудования.

Слегка улыбаясь, Томлинсон рассматривал его, как покупатель попугая на птичьем базаре.

– И?

Эдюля затрепетал.

– И я подумал, что вы могли бы помочь...

– Помочь... – задумчиво вздохнул Томлинсон.

У Эдюли сразу же схватило сердце. Неужели он ошибся?

– Но почему вы обращаетесь ко мне? – Улыбка на лице визави казалась Эдюле оскалом пасти хищного зверя.

Эдюля вздрогнул. Сразу понял, что ответ он что-нибудь не так, Томлинсон окинет его сбивающим с ног взглядом и уйдет. И он льстиво заворковал:

– Нет-нет, конгрессмен, не к вам! Простите ради бога! Умоляю вас! Мне просто не с кем посоветоваться, и я решил...

Томлинсон не сводил с него все еще ледяного взгляда.

– Просто речь идет о крупном заказе, и я подумал, что вы... что вы сможете направить меня по нужному пути...

– Вот как!

Эдюля сжался, чувствуя, какими подвижными и упругими стали все его кости.

– Это... это... это большая сумма, – суегливо глядя ему в глаза, шептал Эдюля.

Томлинсон не столько слышал его голос, сколько по движению губ понимал, о чем идет речь.

– Хорошо, – кивнул он, – подробности обсудим позже.

И сразу же поднес часы к глазам.

– У меня мало времени. Пойдемте, я подвезу вас...

Эдюля торопливо поставил на пластиковый поднос стаканчик кофе и, подойдя к мусорной корзине, быстро опрокинул туда содержимое вместе с самим подносом. После этого тактично засеменял вслед за высокой и импозантной фигурой конгрессмена.

Через пару минут, когда они уже вышли из «Старбакса», Томлинсон, незаметно окинув взглядом пустое пространство перед входом, прежде чем открыть дверцу своего «Лексуса», вздернул брови:

– А чем бы я мог вам помочь?

Эдюля обрел второе дыхание: сработало! В висках барабанило: победа! Сердце билось в темпе парадного марша.

– Ничего сложного, господин конгрессмен... Ничегошеньки...

Томлинсон слегка поморщился.

– Можно яснее?

Эдюля набрал в грудь побольше воздуха и, сделав паузу, наконец выдохнул:

– Вы приглашены на юбилей к Сандре Хиггинс...

Его угодливая улыбка на сей раз насторожила Томлинсона.

– И? – протянул он.

– А там будет ее зятек – Фрэнк Бауэр.

Томлинсон прищурился.

– Тот самый? Не вижу пока связи...

Эдюля тихо, почти шепотом произнес:

– Он недавно спьяну хвастался, что способен любого студента протащить в Конгресс.

– Хотите дружеский совет, Эдвард? – бросил Томлинсон. – Выкиньте это из головы. Вы ведь помните, что вам пришлось из-за него перетерпеть...

– Но... но... вы не дослушали, о чем я хотел вас попросить...

Томлинсон хмыкнул: слизняк, скорей всего, подготовил ему неплохую сделку. Отказать? Было бы не очень умно. Тем более что Эдюля его уже не раз выводил на нужных людей.

– Вы, наверное, слышали, как этот тип хвастался насчет Конгресса...

Томлинсон теперь разглядывал Эдюлю куда более внимательно, чем раньше.

– Я вас, видимо, недооценил...

– Что вы, что вы, конгрессмен!

Томлинсон сковал его своим взглядом.

– А смысл?

– Бауэр – очень импульсивный человек. Он заведется...

– И?

– Ваша ирония толкнет его на пари...

Томлинсон сморщился. Взгляд его, казалось, жужжит, как работающее сверло.

– Его картина этого... вы сказали, Дали, что ли?.. в банке. А Сандра недавно хвасталась своим «Ламборгини».

Наступило молчание. Сердце Эдюли билось в истерике: чем это все кончится? Паузу нарушил Томлинсон:

– Скажите, Эдвард, вы всерьез утверждаете, что никогда не служили в разведке?

Эдюля побелел.

– Что вы, конгрессмен, я бы сказал! Вам? Могу поклясться...

– Вы бы там далеко продвинулись, – хмыкнул насмешливо Томлинсон.

Эдюля смотрел на него широко раскрытыми глазами: что у него на уме? Почему он спрашивает? Терялся он крайне редко. Но на сей раз...

– А генетический анализ вы когда-нибудь делали?

И Томлинсон просканировал его холодным, ощупывающим взглядом. Эдюля невольно захлопал глазами. Ему стало страшно.

– Нет, – хрипло выдавил он из себя.

– А жаль! Интересно было бы! – оскалился Томлинсон в жесткой улыбке, но объяснять ничего не стал. – Попробуйте...

Спросить для чего Эдюля не посмел.

— 6 —

Внезапно зазвонил телефон. Номер ему не был знаком. Мелькнула было мысль, что это мать. Она всегда умудрялась найти его, где бы он ни находился. В большинстве случаев, если высвечивался номер ее мобильного, Эдюля не отвечал. Но мать не отставала: она настигала его в машине, в отеле, в кафе, парикмахерской или в туалете. Ей ничего не стоило попросить связаться с ним по телефону кого-то из знакомых и даже незнакомых людей. Ну кто, скажите, решится отказать матери, которая разыскивает своего сына?

– Слушаю, – произнес он изменившимся голосом.

– Сынок! – высморкалась в платок мать. – Как ты там? Я так соскучилась...

– Все нормально, мама, но я занят, – невольно цыкнув, произнес Эдюля. – Как там у тебя?

– И ты еще спрашиваешь! – Концентрация укора в голосе матери стала куда гуще. – Разве ты не знаешь?

Эдюля тоскливо скривился: начинается!

– Остаться на старости в полном одиночестве! При живом сыне...

– Адель, – сдерживаясь, клацнул зубами Эдюля. Он всегда называл мать по имени, – не тяни из меня жилы. Я не самый плохой сын на свете...

– Не могу! Не могу! Не могу! Я умру! – всхлипывая, зачастила мать. – Ты меня в гроб загоняешь! Своими руками! Сколько мне там осталось? Какой же ты безжалостный!

В ее режиссуре это означало, что еще немного – и она издаст последний полувздых-полустон. А он, ее сын, сволочь такая, мерзкий эгоист и безжалостный убийца, даже не пожалеет.

– Ну скажи, чего тебе не хватает? – куда громче, чувствуя, как тяжелеет в руках телефонная трубка, гаркнул Эдюля. – Посмотри вокруг: как живешь ты – и как другие! У кого есть то, что есть у тебя? Не тебе ли я купил квартиру в центре Манхэттена? Знаешь, сколько я за нее выложил?

– Ты считаешь деньги своей матери? Возьми, возьми ее назад, сыночек... – Обида и возмущение, казалось, победили подступающие рыдания.

– Да имей же, наконец, совесть! – свирепея, завопил Эдюля. – Еду тебе приносят из ресторана, лекарства получаешь из Швейцарии...

– Я одна... – Голос матери перешел в едва слышный шепот, сдобренный всхлипами. – Ты знаешь, что такое быть одной? В полном одиночестве...

– Пригласи компаньонку, я и за нее заплачу тоже! – продолжал бушевать Эдюля. – Только не приставай, как банный лист...

– Ну почему, почему ты не хочешь брать меня к себе? – не унималась мать. – Что я тебе сделала?

Эдюле вдруг показалось, что он воочию видит, как она заламывает руки. И дышит при этом, словно вытащенная на берег рыба.

– Потому что не могу! – Телефон был на грани взрыва.

Мать рыдала. Скольких нервов стоили ему эти разговоры с ней.

– Когда ты был маленьким... – Голос матери едва слышался сквозь слезы и всхлипы.

Взбешенный Эдюля дал отбой. Мать была его стыдом и болью. Иногда он казнил себя за это, но жить с ней он не мог. Он лишился бы сна. Сошел с ума. Повесился...

Звонок матери всякий раз напоминал ему о детстве. А детство свое Эдюля ненавидел. Хотя он и многого добился за свою жизнь, путешествие в прошлое вызывало у него тоскливый страх. Все ведь могло сложиться совсем иначе. Как и у других...

Однажды, еще малышом, Эдюля попал на завод. Туда его взял один из ухажеров матери. Там Эдюлиным воображением завладела огромная центрифуга. Ее со скрежетом вращающиеся брюхо и вываливающаяся оттуда масса буквально потрясли Эдюлю. Она часто снилась ему,

и он с испуганным ревом вскакивал среди ночи. Центрифуга так прочно въелась в его детскую, еще не сформировавшуюся память, что стала для него в конце концов символом следующей за ним по пятам беды. А когда он повзрослел, из символа она перешла в категорию метафоры. Неудивительно, что потом весь окружающий неизлечимый мир со всеми его социальными проблемами, ложью, продажностью и болячками напоминал ему гигантскую центрифугу. Улицы, города, целые континенты...

Человеческая центрифуга жила по своим законам. Жестоким и непостижимым. Запущенная кем-то раз и навсегда, она с неослабевающим аппетитом перемалывала в фарш одно за другим целые поколения. Чавкая, ломала и крошила слабых и беспомощных. Только сильные и ловкие как-то умудрялись избежать общей судьбы: сбивали и путали механизм своей нестандартностью. Стопорили могущественные колеса. Из инструкции к воображаемому мировому порядку Эдюля извлек одно: хочешь выжить – ищи слабинку, внутреннее несовершенство. Не дефект, а просчет! Найдешь – спасешься и выживешь!

И он старался всю...

Его кошмаром и навязчивой идеей была судьба задроченного раба цивилизации. Убогая клетка в кишасшем сварливыми обитателями человеческом муравейнике. Обрыдлая работа. Сволочное начальство. Жалкая зарплата. Зависть. Безнадега. Купленный в рассрочку в награду за рабство широкоэкранный телевизор. Вымученный секс с вечно ворчащей и недовольной всем на свете женой. И в качестве запредельного витка счастья – дешевый туристский галоп по загранице. Подумать только, что его ждало, не выкарабкайся он любыми путями на волю! Какое, однако, дешевое и оскорбительное убожество!..

Самое обидное, что у жизни была и будет другая сторона. Та, что с самого рождения улыбается счастливым. Похожая на сказку. Сверкающая многочисленными огнями. Гремящая музыкой. Наэлектризованная роскошью и ожиданием. Гудя и отражаясь в звездной россыпи, она, подобно рассекающему волны гигантскому лайнеру, несется по капризному океану жизни. Туда. Вперед и вперед. К изнеживающему комфорту! К острым и волнующим ощущениям! К сменяющимся одно за другим удовольствиям!

Лайнер этот – судьба. Фортуна! Удача! Выигрыш! Любимчикам – шик и комфорт. Пасынкам – давка и теснота. На верхних его палубах – полуобнаженные женщины в драгоценностях и разгоряченные вином и азартом мужчины. На нижних, в трюме – угрюмые лица и саднящие от усталости кости. Пресыщение и шик для одних – и затхлое дыхание неудач для других. Для кого-то закон – любое желание и каприз. А для кого-то даже не скромная мечта, а лишь иллюзия и обман.

Куда и зачем мчится этот обезумевший Ноев ковчег в ночи мирового несовершенства и несправедливости? Что празднует, пьянея от собственной свободы и капризов? Пир во время чумы? Пикник на вершине вулкана? Кем начертан маршрут? Кто капитан? И куда он в конце концов его приведет? Эй ты там, на мостике, с загадочной улыбкой и стальным отблеском во взгляде, ты-то хоть знаешь, о чем речь?

Эдюля не принадлежал к числу борцов или мятежников. Он бы не выдержал. Его бы тут же раздавило. Не было в нем ни заряда бунтарства, который превращает аутсайдера в лидера, ни харизмы. Мало того, не проглядывалось даже малейшего намека на притягательность. Зато было неодолимое желание. Решимость загнанного в капкан живого существа, готового на все, лишь бы освободиться.

Все его существо – мозг, сердце, почки, желудок – было настроено на то, чтобы порвать путы. Выкарабкаться! Выскользнуть! Убежать! Из трюма – наверх! На палубу! Любой ценой. Неважно, какими путями! Кто-кто, а уж он-то, Эдюля, центрифуге не дастся! Он, Эдюля, ее перехитрит. Сбежит. Одурачит. Вывернется...

Кроме воспоминаний, его связывала с былой жизнью лишь семидесятивосьмилетняя маникюрша – мать. Она была его стыдом и болью. Извечным упреком и унижительным шрамом

вины. Старая Адель висела на нем, как камень на утопленнике. Сковывала по рукам и ногам. Не давала жить как ему хотелось. Ей нужен был он и только он, ее Эдюля. Единственный и неповторимый. Сын! Надежда! Боль! Божество! Больше у нее никого на свете не было. Чужих возле себя она не терпела. А он...

А он, Эдюля, готов был на любую цену, на любую жертву, лишь бы она освободила его от самой себя. Родственные связи были для Эдюли оковами. Моральные обязательства – карцером. Взять Адель к себе значило бы вновь стать рабом. Какая, к черту, разница, кому ты должен: матери, жене, детям или государству? А рабство Эдюля ненавидел. Бежал от него всю свою жизнь. Боялся. И старался о нем не вспоминать...

Первые его детские шаги были окрашены в безысходные тона. Он появился на свет в угрюмом и обшарпанном доме, где когда-то на верхних этажах жили люди побогаче, а на нижних – прислуга. Ходила молва, что дом этот выглядел когда-то по-другому. Но в памяти Эдюли он уже остался похожим на трехэтажный барак. Облупившаяся штукатурка. Ржавые решетки. Вонь в подъезде. Подслеповатые лампочки. И ко всему прочему похожий на выгребную яму двор.

Там, где в далекие времена жил врач, при советской власти ютилось шесть семей. Больше двух десятков взрослых и детей. Общая кухня, коридор с выбитыми стеклами. Рядом со стеклами в оконных фрамугах – картонки и фанера. И общая кухня, где граница между соседскими столиками и таганками охранялась строже, чем государственная. Нарушитель подвергался шумному и демонстративному наказанию.

По утрам перед отечным от извечной плесени сортиром выстраивалась нервная очередь. Зимой, когда дул ветер, она воспалялась, подобно незалеченной язве. Чтобы не бегать по ночам по холодному коридору, Адель держала под кроватью ночной горшок, который старалась выносить так, чтобы не столкнуться с соседями.

Раннее детство Эдюли пахло непрветренной кухней и парикмахерской, подгоревшей картошкой и лаком для ногтей, жареной рыбой и уксусом. Мать, кстати, так никогда и не научилась готовить. Варила наскоро сосиски, а к ним – картофельное пюре или макароны. Зато она была мастерицей придавать ногтям особо ухоженный вид. И тайно подрабатывала этим дома тоже.

Стоило в памяти Эдюли возникнуть этой картине, как его начинало тошнить. Он ненавидел вездливый дух их тесной каморки. Неистребимый дух чего-то подгнившего и липучего. А тот исходил от стен, от мебели, даже от ночного горшка. Мыться все ходили в районную баню...

В молодости Адель была кругленькой и пухлой брюнеткой. Глаза чуть навывкате, размером и цветом напоминающие спелые сливы. Гладко расчесанные черные волосы. Ямочки на смуглых щеках. Любила индийские фильмы. Хихикала над идиотскими шутками конференсье по телевизору. К Эдюле она относилась так, словно он был куклой. Сама шила и примеряла ему рубашечки и штанишки. Одевала и раздевала. Все всегда в обlipочку. С замысловатостью.

Баловала его Адель как могла. Сюсюкала. Тискала ярко наманикюренными пальцами. Пощипывала. Скармливала разную вкуснятину. Казалось, она хочет его задобрить. Оправдаться за какой-то свой безоглядный поступок или грех. Так, наверное, и было. Ведь отца своего Эдюля никогда не видел.

Иногда его по ночам брала к себе подружка матери – педикюрша Роза. У той детей не было. Она тоже затискивала его ласками. Запихивала в рот сладости и фрукты. Он так привык к обеим, что иногда путал, кто мать, а кто ее подруга. И обеих называл по имени: одну – Аделью, другую – Розой.

К счастью, уже в первом классе школы Эдюля с матерью переселились в новенький блочный дом, пусть даже и в далеком микрорайоне. Адель выделили там однокомнатную квартирку. Переезд туда стал самым счастливым днем в их жизни. Квартира была небольшой, но зато

своей. Без соседей. С крохотной отдельной кухонькой и туалетом. И хотя теперь они жили уже не в центре, счастью не было предела. Увы, как оказалось, цена удобств всегда чрезвычайно высока.

Однажды Эдюля прибежал из школы раньше времени. Быстренько провернув ключ в двери, он увидел тощие мужские ягодички какого-то серовато-зеленого цвета. Толчок – и они, как качели, ухали вниз. Еще один – и они с хлюпаньем вздымались вверх и сразу же опали над двигавшейся в такт им матерью.

Дядька сипло хрипел, Адель испуганно повизгивала. Эдюля замер. Потом послышались не то клекот, не то верещание и вымученный стон исхода.

Эдюля был настолько поражен увиденным, что остановился как вкопанный. А потом выскочил из дома...

Вечером Адель вернулась из парикмахерской не одна – с Розой. Мать плакала, трясясь от душившего ее изнутри напора. Роза взяла Эдюлю за подбородок. Она говорила, а ее слова вбивались в него, как гвозди в стену.

– Думаешь, Эдюля, мне нравится парить ноги и стричь ногти на них? Совсем нет! Если бы мама не делала то, что она делает, не было бы у вас ни вашей квартирке, ни тех вкусных вещей, которые ты так любишь.

Эдюля горестно и безудержно плакал.

– Хочешь вернуться в наш старый двор? – чужим голосом спросила мать.

– Нет! – забившись в плаче, ответил Эдюля.

Она прижала его к себе и долго-долго раскачивалась вместе с ним, пока Эдюля не успокоился.

– Никогда не осуждай, если ты не знаешь, что и почему, – услышал он голос Розы.

Эдюля не осуждал. Он постигал жизнь. Как и унитаза в их крохотном туалете, она пахла духами и мочой. Маникюрным лаком и слабым душком гнилости. И он уже в раннем детстве решил: это не для него. Не для него, понимаете?!

А если так – что, скажите, было делать ему? Пухленькому и не то чтобы уродливому, но не особенно привлекательному ребенку. Он ведь не блистал ни способностями, ни умением нравиться. Как же тогда мог он добиться того, что кто-то получает при рождении, а кто-то – благодаря остервенелому труду?

И его внешность, и беззащитность, помноженная на трусоватость, были самым верным стимулом для детской жестокости. Сверстники с удовольствием измывались над маленьким изгоем. Щипали, смеялись, толкали, раздавали обильные подзатыльники. Ответить Эдюля не мог и нередко бывал за это бит. Вначале он ужасно страдал. Плакал. Жаловался. Устраивал истерики, когда мать собиралась вести его в садик. Но в конце концов сделал удивительное открытие: если все время крутиться возле воспитательницы и стараться предугадать каждое ее желание, то обидчики от него отстанут. А потом открылась ему еще одна бесценная истина...

Интуиция подсказывала: если от тебя есть польза, а тем более что-то зависит, тебя никто не тронет. Нужно только найти какой-то иной, свой подход к тем, кто тебя окружает. И он его искал. Искал с отчаянием и недетским упорством. Главным открытием его жизни стало, что для любого яда можно найти противоядие. Если малышом, в детском саду, Эдюля крутился возле воспитательницы, ябедничая на других детей, то в школе ее место заняли педагоги. Учителя, правда, нередко его недолюбливали, но услугами охотно пользовались. В классе он был им полезен, и поэтому его приходилось не только терпеть, но и поощрять.

Все это Эдюля пытался делать, не привлекая чьего-либо внимания. Но сверстники довольно быстро его вычислили. Нередко били. Открыто насмехались. А он всю делал вид, что не обижается. Терпеливо сносил как грубые шутки, так и оскорбления. И все время старался кому-то угодить. Услужить. Стать нужным.

Если ты знаешь что-то, о чем другие понятия не имеют, это может сослужить хорошую службу. А уж если можешь то, что не в состоянии сделать никто иной, – ты самый востребованный человек на свете. И тогда уж всем до фени, красив ты или уродлив, симпатичен или невыносим. В конце концов, убедился Эдюля, самая перспективная и выгодная роль на свете – маклер, агент, посредник. И он вникал в нее и совершенствовал. Расширял и запутывал. Углублял и оттачивал. И она стала для него не просто способом защиты, а жизненной необходимостью.

— 7 —

Сандра терпеть не могла своего зятя Фрэнка Бауэра. Единственная ее дочь Нэнси уже пять лет увядала в тени этого конкистадора от науки. Эдюля рассчитывал, что Сандра пойдет на все, лишь бы спасти свое ненаглядное чадо из лап этого чудовища. Да и что могло ее остановить? Общие интересы? Их не было и не могло быть! Стыд перед окружением? Она такого чувства не ведала. Соображения морали? Ох, держите ее! Но самое главное, кризис в сфере высоких технологий сказался не только на прочности позиций, но и на уверенности Сандры в себе. Ей, конечно, не откажешь в мужестве, да и держится она все еще молодцом. Но не воспользуйся она деньгами, которые ей предложил Эдюля, судьба компании, пожалуй, была бы предрешена. Короче – игра стоила свеч...

На свой юбилей Сандра не могла не пригласить Нэнси с Фрэнком. Она так настаивала на их приезде из Лос-Анджелеса в Сан-Франциско, что отказать ей было просто неприлично. И только очутившись там, Фрэнк понял, что устроенное ею пышное торжество было задумано лишь с одной целью: показать, что лично ее кризис высоких технологий не затронул.

Обычно она появлялась в своем доме на Лонг-Айленде лишь раз в неделю. На выходной. Ее особняк мало чем отличался от других таких же. Но сейчас рядом с ним выстроилась шеренга дорогих автомобилей. Сверкали крохотными лампочками-бусинками декорированные деревья. Негромко наигрывал маленький оркестр. Собираясь небольшими группками, переговаривались мужчины в смокингах и сверлили взглядами друг дружку дамы в нарядах от модных дизайнеров. Между гостями лавировали безмолвные официанты с подносами, уставленными выпивкой.

Сандра встретила Фрэнка завораживающей улыбкой. Правда, от нее, как и всегда, веяло морозцем. Она протянула руку для поцелуя, но Фрэнк лишь пожал ее. Его отношения с матерью жены оставляли желать много лучшего.

Брови на отлакированном косметикой лице Сандры слегка приподнялись и опустились. Сделав легкий полуразворот, она стала знакомить зятя с гостями.

– Да-да, это Фрэнк! Он самый! Фрэнк Бауэр! Как, вы не слышали о его новой книге? Не читали «Импотенцию интеллекта»? Ну, вы много потеряли...

Нацепив на лицо кислую улыбку, Фрэнк со скучающим видом внимал язвительным шпилькам тещи.

– Фактически Фрэнк – патологоанатом. От науки, конечно. Препарирует идеологию и сравнивает биопсию ее вождей.

Сандра стрельнула по Бауэру цепким взглядом.

– Но при этом он всегда крушит авторитет своих коллег, – иронически поиграв взглядом и слегка ухмыльнувшись, вставил стоявший поблизости конгрессмен Томлинсон. – Будь у них такая возможность, они бы, наверное, с удовольствием зажарили его вместо бифштекса.

– А, это вы, – брезгливо кашлянув, повернулся в его сторону Фрэнк. – Зачем им жарить меня? В вас больше толку: вы бы, чтобы избавиться от огня, выдали секретов лет на сорок...

Сандра вздрогнула и громко, чтобы заглушить откровенное хамство, обратилась к даме в вечернем платье:

– Джесси, а что вы думаете о Фрэнке?

– Остер и агрессивен. Но во многом с ним можно согласиться. Спорно, конечно, но... смело, очень смело!

– А я бы сказал, – с ухмылкой произнес бритоголовый щеголь лет сорока – сорока пяти, – что политика – духовный наркотик. И излечиться от него практически невозможно.

По-видимому, чтобы смягчить очевидную неловкость, щеголя перебила дама в вечернем платье:

– В последнее время многое изменилось, Сандра, – поощрительно улыбнулась она. – Даже в политике. Кто из нас еще не так давно имел представление о компьютерах, сотовых телефонах и Интернете?

– И вы так считаете? – иронично взглянул на Томлинсона бритоголовый щеголь.

– Не совсем, – внезапно пришел в движение тяжелый мрамор улыбки конгрессмена. – Политика – одно из редчайших искусств. Сами посудите, что еще способно спасти человечество от кризисов?

Фрэнк постепенно заводился.

– Тещенька, – повернулся он к ней, – на вашем торжестве не хватает конференсье. Хотите, я возьму эту роль на себя?

Сандру передернуло от такой бестактности. Но Фрэнк не обратил на это никакого внимания. И, слегка присвистнув, прибавил:

– Вы только посмотрите, сколько у вас здесь, на лужайке, миллионов на каждый квадратный метр! И никакой охраны...

– Я обхожусь без нее, – одарила его обаятельной улыбкой Сандра. – Кстати, говорят, вы были лично знакомы с Че Геварой. Это правда?

– Ну, обо мне всегда ходит немало слухов, – остановил Фрэнк легким движением руки официанта с блюдом. – Думаю, это и привлекло ко мне вашу очаровательную дочь.

Он взял с подноса один из бокалов с коньяком и, пригубив, слегка оскалился.

– Не обольщайтесь, – мгновенно отпарировала Сандра, – она у меня всегда тянулась к пожилым мужчинам. Ведь Нэнси росла без отца...

– Я почему-то думал, что и без матери тоже, – усмехнулся Фрэнк. – Неужели ошибся?

Стоявший рядом толстячок сжал губы, чтобы не расхохотаться.

– Вы стали брюзгливы. Наверное, возраст, а? – сморщив нос, пошевелила пальцами Сандра. – Вам ведь, кажется, стукнуло шестьдесят пять?

От удачной шпильки взор ее оттаял, как шоколад на солнце.

– Только шестьдесят три, тещенька, только шестьдесят три. А вам? Говорите, что пятьдесят пять? Когда это было, тещенька?

На этот раз с трудом подавила улыбку декольтированная дама в отсверкивающих бриллиантами серьгах.

– Что вы говорите? – удивилась Сандра. – Я думала, что вы старше меня лет на пятнадцать...

Нэнси, как всегда, нашла какую-то знакомую. Пикировка матери и мужа ей давно и окончательно наскучила.

Фрэнк вволю нагужался коньяком. Кстати, отличным. В перерыве были еще текила и шампанское. Нельзя сказать, что он был пьян. Но и что трезв – тоже. Какое-то неустойчивое равновесие между духом и телом.

– Фрэнк, – подошла к нему Сандра, когда гости начали расходиться, – с Томлинсоном вы уж слишком, не обижайтесь, обошлись по-хамски. Я его задержала. Вы не против, если несколько человек останутся, и вы с Томлинсоном тоже? Мир?

Черт его дернул остаться!..

Фрэнк не очень помнил, как все происходило. Сандра жужжала про бомбу, которую он собственноручно изготовил, написав свою «Импотенцию интеллекта». Конгрессмен иронически кивал.

Внезапно голос Сандры развеял дрему Бауэра:

– Фрэнк считает, что харизма – никакой не дар божий, а лишь определенные правила поведения.

Фрэнк постарался придать своему лицу выражение крупье, следящего за игрой в рулетку.

– А вы? – спросил Сандру конгрессмен с еле заметной улыбкой.

Та лукаво посмотрела на Фрэнка. Лица он различал плохо. Лишь щурился и старался внимательно следить за тем, кто и что говорит. Но ему это не удавалось. Голоса и реплики сливались в неразличимый звукоряд. Взяв себя в руки, он все же уловил, как Сандра объясняла Томлинсону:

– Для Фрэнка «идеология» – незаконная дочь религии и «случая». – Она загадочно улыбнулась. – У перезрелой невесты солидное приданое: страх всего живого перед смертью. А у шалопая случая воровская «фомка» – идея! Замени он ею Бога – и взберется на его место. Ведь идея бессмертна...

Высокая подтянутая фигура конгрессмена насмешливо шевельнулась. На его выбритом хищном лице застыла легкая тень иронии.

– А вы не допускаете, Фрэнк, что хоть религия и стара, опыта и сил у нее достаточно? Возьмите хотя бы мусульманский Восток...

Бауэру показалось, будто что-то щелкнуло у него внутри. Недолго раздумывая, он швырнул в тлеющий костер гранату:

– Ни хрена! Религия – угрюмая фанатичка. В ее возрасте не только память, интеллект уже не тот.

– А, так вы, я понимаю, за идеологию? – подчеркнуто невинно осведомился Томлинсон.

– Еще та шлюха! Пойдет с любым авантюристом, пообещай он ей как следует заплатить. Благодаря ей политика и выглядит как публичный дом.

Повисло тяжелое молчание. Конгрессмен, демонстрируя идеальную работу дантиста, обнажил в улыбке белоснежную челюсть.

– А вы не допускаете, что может найтись кто-то, кто наденет на нее королевскую корону?

– Почему бы и нет! – икнул Фрэнк. – Что, Сталин и Гитлер исключение, что ли? Продолжить, кто там в очереди за ними?

Улыбка не исчезла с лица конгрессмена, но его казавшиеся безучастными серые глаза как-то по-особенному сверкнули.

– И кто это должен быть? Гений? Лидер? Мессия? – не отступал он.

– Да кто угодно, если его подучить! Хоть студент...

– Студент? – переспросил тот. – И кого вы из него сделаете?

– Да даже конгрессмена. Как вы...

Томлинсон ядовито улыбнулся.

– И что же для этого потребуется?

Фрэнк усмехнулся.

– Цинизм. Чуток актерских данных. Кстати, самых примитивных...

– И вы бы сами взялись это продемонстрировать? – остановил на нем дальнобойный прицел своих глаз конгрессмен Томлинсон.

Потом Фрэнк много раз пытался понять, было ли это спонтанным порывом или хорошо рассчитанной ловушкой. И решил все же, что это ловушка.

– А почему бы и нет? – затащил он на своей шее петлю.

Конгрессмен прищурился.

– Вы это что, серьезно?

– Вполне! – бесшабашно ответил Фрэнк.

– Шутите!

– Нисколько! – уже вошел в раж Бауэр.

– А если вам не поверят?

– Да я на пари готов! – раззадорился Фрэнк.

Ему показалось, что выражение лица Томлинсона в тот момент было волчьим. Ему бы отступить. Отделаться шуткой. Или сказать что-нибудь нейтральное. А он только обвел взглядом оторопевших присутствующих.

Сандра взглянула на Томлинсона. Фрэнк был уверен, что тот побывал у нее в постели. Пронзительный взгляд конгрессмена внезапно обрел твердость танковой брони. Сандра попыталась прийти зятю на помощь:

– Фрэнк, вы слегка переборщили с коньяком и текилой! Потом пожалеете...

– И не подумаю, тещенька!

На лице Сандры вдруг появилось выражение злой насмешки.

– Ах так?! И на что готовы рискнуть?

– Ну, если пари, – развел руками Томлинсон, – то не на пустяк же!

– Давайте не на пустяк! – уже не мог затормозить Бауэр.

– Потом будет поздно, Фрэнк! – В глазах Сандры появились льдинки презрения.

– Не будет! – разошелся Фрэнк еще пуще.

Сандра чуть куснула нижнюю губу и мстительно улыбнулась.

– И даже своего Сальвадора Дали не пожалеете?

Фрэнк вздрогнул. Но отступить было поздно.

– А на что готовы вы?

– На мой «Ламборгини». Мой старый поклонник Джошуа Шмулевич завтра же подберет вам двуногого кролика для эксперимента...

Фрэнк ответил высокомерной улыбкой...

– Вначале за все плачу я, – улыбнулась Сандра. – Но если вы проиграете, то все расходы лягут на вас. Ну что?

Хлоп! Ловушка захлопнулась. Фрэнк ощутил, как по позвоночнику скользнула липкая змейка. Но изменить уже ничего было нельзя.

— 8 —

Через несколько дней Эдюля пригласил старого импресарио к себе. Ему якобы хотелось продемонстрировать свою потрясающую антикварную покупку. Старый еврей ответил на приглашение без особой охоты, но отношений предпочел не портить.

– Джошуа, – сказал Эдюля, усадив гостя в удобное, как женские гениталии, кресло, – посмотри на это бюро! Нет-нет, внимательней! Ну как можно не гордиться?! Проверено: настоящий восемнадцатый век...

Джошуа с сомнением уставился на рыжеватый, похожий на старинную фисгармонию музыкальный ящик. Эдюля не знал, как задобрить старого жоха. Ведь дело, которое ему предстояло проверить, было довольно щекотливым.

– Но это что! Знаешь, кому это бюро принадлежало?..

– Фараону Тутанхамону...

– Марии-Антуанетте, – не обращая внимания на прикол, гордо произнес Эдюля.

Джошуа скорчил на лице смешную гримаску. Потом прищурил левый глаз, словно целился в тире в цель, и спустил курок:

– Уж не станешь ли ты утверждать, что позвал меня, только чтоб похвастаться?

Эдюля изобразил смущение: проницательный киноволок, конечно, уже наострил уши. Уж он-то Эдюлю успел изучить. И все его подставы и фокусы тоже.

– Хочу, чтобы ты рассказал мне о юбилее...

– О твоём, что ли?

Эдюля устало отмахнулся.

– Сандры Хиггинс...

– Для чего, жулик?

– Ты же знаешь, что я вкладываю в ее компанию приличную сумму...

– И что из этого?

– Но там ведь весь свет присутствовал... Может, ты что-то слышал о ее делах?.. У нее все в порядке?

Джошуа Шмулевич слегка успокоился. Эдюле он верил, как заяц волку.

– Чего ты хочешь вынюхать?

– Скажи, и конгрессмен Томлинсон тоже там был?

Джошуа Шмулевич недоверчиво, но кивнул.

– И это правда, что там целая битва разыгралась? – сделал большие глаза Эдюля.

Киноволок слегка успокоился.

– А, это ты про Фрэнка?

– Ну да, про того... Это он ведь психологией масс занимается...

Джошуа, пытаясь догадаться, к чему клонит Эдюля, нацедил себе в стакан минералки из сифона, стоявшего на журнальном столике.

– А с чего это ты так разнервничался?

– Я слышал, там на огромную сумму пари заключили...

– Не знал, что тебя так сплетни интересуют...

– Про Сандру? Но ты же сам мне ее подкинул.

– Я? Подкинул?

– Джош, ну мы же не чужие. Это ведь ты ее мне посоветовал...

Джошуа бросил на Эдюлю озорной взгляд и, словно подстегивая, произнес:

– Ах вот что?! Ты хочешь пронюхать, кто выиграет: «Ламборгини» или Сальвадор Дали?!

Слышал про такого, Эдюля? – осклабился Джошуа.

Эдюля проигнорировал шпильку и только фальшиво присвистнул. По лицу Джоша промелькнула гримаса досады: уж этот ему неотесанный нувориш.

– Джош, но ведь причина для такого пари должна быть нешуточной, – плел свою паутину Эдюля. – У тебя ведь такая гениальная голова. С чего это он вдруг?

– С чего, с чего... Ни с чего! – раздосадованно бросил он. – Фрэнк перебрал. Про политику вообще сказал, что это публичный дом...

– Ну да! Вот как! – изобразил неслыханное удивление Эдюля.

– Да он был пьян в дрезину, – отмахнулся киноагент. И уже более решительно: – Слушай, что это ты ко мне пристал?

Эдюля прикрыл глаза и сделал вид, что страшно обиделся. Джошуа Шмулевич вынужден был сделать вид, что извиняется.

– Ладно тебе! Что, что... Ты ведь из любого студента, если захочешь, сделаешь конгрессмена, – даже задвигался в кресле Эдюля.

Главным для него было отвести от себя подозрения старого лиса. Иначе он бы все провалил.

Джошуа Шмулевич поморщился. Но Эдюля не отстал:

– А что Томлинсон? Съел? Ни фиги себе!

– Это ведь еще твой Ленин век назад обещал, что любую кухарку можно научить управлять государством...

– Джош! Но это ведь смешно! Неужели этот Фрэнк такой дурак, чтобы поддаться на дешевую провокацию?

– Закрой кран, – довольно грубо оборвал его старый циник. – Тахлес¹! Что тебе нужно?

Эдюля снова заюлил:

– Ничего особенного, Джош, и не думай...

– Слушай, – занервничал тот, – если ты задумал какой-нибудь свой азиатский фокус, я тебе советую: взвесь дважды. Нет, трижды, иначе тебя сожрут...

Надо было во что бы то ни стало усыпить подозрительность семидесятилетнего пижона. Вы только посмотрите на него! На его подкрашенную в голубоватый цвет седину...

У Эдюли даже перехватило дыхание. Чтобы не выдать своего волнения, он с яростной энергией стал тереть глаз.

– Черт, принесло же, а! Какая-то соринка попала...

Он знал: порой грубая ложь смахивает на правду.

– А что Сандра? – вдруг спросил он, не переставая орудовать пальцем в глазу.

Успокоившийся киноволок сплоховал:

– Вцепилась в него мертвой хваткой. Предложила пари, плут. Безумно дорогой «Ламборгини» за его Сальвадора Дали, сумей он доказать, что прав...

Эдюля притворился, что про плута не слышал. Намек пролетел мимо его ушей, как плевок. Говорят, в Сингапуре за плевки штрафуют. Но он, Эдюля, в ответ не плюнет. Будь не правым, а умным – таково его кредо.

– И за чем дело стало?

Лицо Джошуа обрело кислое выражение.

– За кандидатом...

– Но ведь ты в таком случае незаменимый специалист...

– Может, ты все-таки скажешь, что у тебя за интерес, а?

– Мой интерес, Джош, – ты! Ты мой лучший и самый верный друг! Ведь если ты найдешь опытного кролика, тебе не только благодарность – комиссионные...

---

¹ Тахлес – смысл (идиш).

– Какие комиссионные, ловкач? Что ты задумал? При чем тут я? – Выражение лица у него при этом было таким, словно он сунул в рот кислющий лимон.

– Но ведь тебе сразу оба они – и Сандра, и Фрэнк – найди ты для них студента или актеришку, будут благодарны! А это, дружище, в нужном случае не что иное, как капитал...

Старый киноволок вынужден был отметить про себя, что это не так уж глупо.

– У тебя ведь в Лос-Анджелесе завал голодных любителей подзаработать...

Джошуа, еще не решив, как откликнуться, пожал плечами.

– Это ведь получше, чем машины или в ресторане грязную посуду мыть...

Но Шмулевич уже вновь что-то заподозрил. Ироническая улыбка сразу же стерлась с его толстых губ.

– А тебе-то что надо?

Эдюля, планы которого уже созрели, смешно подмигнул ему и погрозил пальцем.

– Ладно, – поджал он губу, – чего там... Не первый день знакомы! Слушай, а не мог бы ты меня с таким твоим избранником познакомить?

Гость ухмыльнулся.

– Ты что, на седьмом десятке вдруг стал голубым? – крикнул он.

– Джош, – оскорбленно дернулся Эдюля, – у меня свой интерес: хочу помочь Сандре. Она ведь страдает из-за связи своей дочери с этим твоим Фрэнком Бауэром.

Шмулевич настороженно прищурился.

– Эй! – вдруг силло прокашлялся старый плейбой. – Ты что задумал, чертов азиат?

Эдюле показалось, он смотрит на него из-под очков пронизывающим взглядом пророка и судьи. Старый идиот: сколько уж там в нем, в Эдюле, азиатского?! Но, даже обидевшись, портить отношения с Джошуа он не стал: тот был ему нужен. И Эдюля безобидно захихикал.

– Понимаешь, если я окажу ей такую услугу...

– Это какую еще услугу?

Эдюля поморщился.

– Когда женщине под тридцать, ей пора обзаводиться настоящей семьей, ребенком...

– Ах вот оно что, – протянул Джошуа со смешком. – Ну и сукин же ты сын!

Эдюля снова подмигнул ему.

– Мы свои люди, Джош. Сочтемся когда-нибудь. Считаю, что я готов помогать ближнему во всех его несчастьях. Альтруист...

– Как волк – вегетарианец, – не выдержал Джошуа. – Ты ведь за доллар душу на миллион вытрясешь.

Эдюля нервно поиграл пальцами.

– Так ты поможешь или нет?

– Нет! – решительно отрезал Джошуа.

– Окей! – притворно вздохнул Эдюля. – Должники не всегда возвращают долги чести.

И он встал, сделав вид, что разговор закончен. Намек был омерзителен, как полоснувший по коже заржавленный нож. Когда единственный сын Джошуа запутался в долгах, отцу, чтобы от того отстали, пришлось выложить парочку миллионов. Если бы не Эдюля, банкротства было бы не избежать. Но в самый безнадежный момент русский прохиндей пробил через ООН многосерийный документальный фильм о проблемах черной Африки.

– Тебя никто не повесит, если ты засунешь в свою серию кучу неиспользованных документальных кадров из архивов, – поддержал он киноагента своим телефонным звонком.

Джошуа тогда едва не заплакал от благодарности. Он еле держал трубку: руки у него тряслись.

– Проверять никто не будет, – журчал в трубке, словно смазанный жирком участия, голос Эдюли. – Подмажем! Ну что, какие у тебя друзья? Должок возвратишь, когда сможешь...

Эдюля выручил его, не потратив ни цента. Человек этот, как убедился старый Джошуа, некоронованный король манипуляций. Но свой долг Шмулевич до сих пор не возвратил. Теперь он получил первое напоминание – серенький воробышек осторожно прочирикал в его мозгу: сейчас дело за тобой.

Он прикрыл глаза. Лицо его исказилось злобной гримасой. Позорное поражение надо было проглотить так же спокойно и сдержанно, как и победу.

– Ладно, – стиснув зубы, произнес он, – но меня впутывать в это не смей.

– Вот видишь, – с удовлетворением в голосе сказал Эдюля, – друзья познаются в беде.

Он был мастер говорить пошлости.

Джошуа пересилил себя и вонзился в Эдюлю взглядом.

– Это все? Или еще что-нибудь? А кто расходы оплатит?

Но Эдюля вдруг изобразил на лице якобы внезапно мелькнувшую у него в голове гениальную мысль.

– Слушай, а знаешь, если так, я готов! Ради Сандры...

Джошуа Шмулевич скользнул по нему оценивающим взглядом. Не поверил, но все-таки.

– Если ее дочка пошлет этого Фрэнка Бауэра на хрен, я готов на расходы...

Старый еврей прошептал матерное ругательство.

– Ладно! Его зовут Стенли Кларк. Сам он из какой-то дыры, но ошивается в Лос-Анджелесе.

– Думаешь, подойдет?

– На роль жиголо? – ворчливым голосом спросил Шмулевич.

...После ухода Джошуа Эдюля еще долго расхаживал по своей квартире на углу Шестидесят Восьмой стрит и Пятой авеню, топчя огромный туркменский ковер. Этой экзотикой он продуманно покрыл паркет в салоне. Ворс делал шаги вкрадчивыми и таинственными. А это ему нравилось. Наверное, именно так ведут себя изнеженные любимчики судьбы, которым все достается на блюде с голубой каемочкой. Почему-то именно они вызывали у Эдюли желание подражать. Он понимал, что это блажь, лишнее и может только помешать, но ничего с собой поделать не мог.

Эдюля был доволен собой. Он сделал все что мог и еще кое-что. Вынюхал в разных местах подноготную Сандры-Акулы. А главное – вплотную приблизился к Фрэнку Бауэру. Сукин сын более чем вдвое старше своей набитой либеральной дурью жены. Старый черт приманил ее в университете еще студенткой и теперь ловит кайф. Говорят, дочка Сандры души в нем не чает. Но его, Эдюлю, не проведешь! Выкрутасы старого краснобая не могут не приесться. Жиголо теперь был в его руках. Оставалось лишь обработать Нэнси.

— 9 —

Эдюля привык ковать железо, пока оно горячо. А поскольку такие комплексы, как нерешительность или застенчивость, были для него неведомы, принялся названивать Джошуа. Раз, два, десять, пока тот, яростно чертыхаясь про себя, не послал к нему выбранного им кандидата в жиголо.

Эдюля только что вышел из-под душа, напевая от хорошего настроения. Он стоял в ванной перед огромным, во всю стену, зеркалом и, прищурившись, критически, но с симпатией разглядывал свою фигуру. Включив в розетку прибор для сушки волос, он пытался придать своей реденькой шевелюре подобие элегантной прически. Под жужжание фена Эдюля выполнял расческой сложнейшие пассы. Внезапно раздался телефонный звонок.

– Мистер Зарецки?

– Я! – придал своему голосу чарующую приветливость Эдюля.

– Стенли Кларк. Мистер Шмулевич сказал мне...

Эдюля чуть снизил концентрацию задушевности в голосе. Но тон его все равно оставался приветливым.

– Где вы, дружок?

– В Бруклине: Оушен авеню – Эс-Ти стрит.

– Хватайте такси и гоните на Манхэттен. Я живу на Шестьдесят восьмой. Угол Пятой авеню. Верну вам потраченное с лихвой.

Через сорок пять минут швейцар вызвонил Эдюлю по внутреннему телефону:

– Вас спрашивает какой-то Стенли Кларк...

– Да-да, это ко мне...

Эдюля открыл дверь. На пороге стоял не очень высокий молодой человек с нервным, но красивым лицом. Ярко-голубые глаза, густая, цвета расплавленного золота коса позади и покрытая особым морским загаром кожа. Он глядел на Эдюлю вопросительно и встревоженно.

– Эдвард Зарецкий! – представился Эдюля. – Можете называть меня просто Эдвард.

– Мистер Шмулевич сказал...

– Да-да-да! Я знаю, – вальяжно остановил его Эдюля. – Он рассказывал мне о вас как о талантливом актере.

Эдюля понюхал надушенный воротник своего роскошного банного халата и жестом пригласил гостя сесть на стул.

– Ничего не поделаешь: в театре такое иногда бывает. Артисты остаются без роли. Сосут свой собственный локоть. – И он доверительно хихикнул.

Гость облизал губы. Чтобы ободрить его, Эдюля уселся на другой стул, рядом с огромной китайской вазой.

– Джошуа говорил, для чего вы мне нужны?

– Сказал, что профессор Бауэр ищет кого-то на роль начинающего политика.

Эдюля едва не поперхнулся от нахлынувшего на него приступа смеха. У него даже задрожали плечи. Он еле сдержался, чтобы не расхохотаться.

– Фрэнк Бауэр – великий фантазер, – булькающим от смешинки голосом произнес он. – Он очень скоро убедится, что ни хрена у него не выйдет, и выставит вас за дверь. А ведь у вас, кажется, долги...

Есть ли долги у этого актеришки, Эдюля не знал. Сказал так, на всякий случай. Но, видимо, попал в цель. В глазах парня сверкнуло беспокойство.

– Все мы иногда попадаем в трудное положение. Поверьте, Стенли, кто-кто, а я с этим знаком.

Он принялся расхаживать по комнате. Полы его халата развевались, как крылья огромной хищной птицы.

– Но надо быть оптимистом. Да-да, большим, неунывающим оптимистом!

Гость слегка закусил левый уголок нижней губы.

– Политиком он его сделает! – вдруг хрюкнул Эдюля. – Мозги ведь у тебя работают? Небось соображаешь, что для этого нужно? Фрэнк Бауэр – старый болтун и мудак! А вот я тебе могу предложить дело. И еще какое выгодненькое! Если, конечно, умеешь держать язык за зубами.

Актер не сводил с него взгляда.

– Обещаю, в накладе не останешься. Но если проговоришься...

– О чем?

– О чем, о чем... Работенка непыльная, – хихикнул Эдюля.

Во глазах актера загорелся огонек беспокойства.

– И в чем она заключается?

– Что заключается? – стрельнул в него взглядом Эдюля.

– Ваша работа...

– Уж не в уголовщине ли ты меня заподозрил?

Малый повел плечами.

– А делать-то что?

Эдюля согрел его улыбкой. Лучезарной, но насмешливой.

– Так-то лучше. А ничего особенного. Поухаживать за одной замужней дамочкой.

– Что-что? – ошарашенно спросил гость.

– То, что слышал...

Гость смотрел на него так, будто Эдюля только что сознался, в каком из шкафов он спрятал труп.

– Надеюсь, соображения морали тебя не удерживают? Мало ли что, сынок. Бывает и такое...

В голосе Эдюли зазвучали издевательские нотки. У парня нервно сдвинулся с места и возвратился назад кадык.

– За дамочкой?

Эдюля хмыкнул.

– Ну да!

– А... кто... Кто эта дама?

– Хочешь спросить, не уродина ли она? – ухмыльнулся Эдюля. – Нет-нет, бабешка ничего себе. Хочешь взглянуть? Вот она...

И, показав фотографию, Эдюля шаловливо помахал указательным пальцем. Гость бросил осторожный взгляд на фотокарточку, которую протянул ему Эдюля.

– Хотите, чтобы я стал...

– Жиголо, мальчик, жиголо!

Перед актером стоял многоопытный и прожженный циник.

– За деньги, которые я тебе заплачу, любой побежит. Или, может, ты у нас благородный и принципиальный? Не меняешь деньги на честь?

Из горла парня раздался непонятный звук. То ли хрип, то ли кашель.

– А если не выйдет? – недоуменно спросил он.

– Муж старше ее лет на тридцать, а то и больше. Ее мамаша просила меня отвадить от него свою единственную дочку.

Гость выглядел так, словно его стукнули по голове палкой.

– Но она... Но я...

Эдюля приторно хихикнул. Маленькие желтовато-серые, с жирком глазки на женоподобном лице старались избежать ответного взгляда.

– Делов-то! Ведь муж – козел и старше ее больше чем в два раза! Откажешься? Будешь голодать, но не предашь принципов?

Стенли молчал. Каждое слово собеседника – как ком грязи в морду.

– У тебя что, шоколад и сливки в бабских бедрах не вызывают аппетита? – подзуживал искуситель.

Говорил он торопливо, но как-то прилипчиво и вязко. И еще этот спотыкающийся русский акцент...

– Наставь, наставь старому козлу рога! – журча смешком, искушал он. – Ты ему не простые впаяешь – перламутровые!

По-видимому, Стенли Кларк сомневался и тянул с ответом. И Эдюля знал: нерешительность подобна ржавчине. Если ее сразу же не соскоблить, она съест даже самый крепкий металл.

Эдюля остановился возле наглухо запертого окна и взял с подоконника маленький пульт управления кондиционером. Установив нужную температуру, он крикнул и повысил голос:

– Ты что, думаешь, я не смогу найти кого-то другого? Более уступчивого, чем ты? Не будь таким самоуверенным, таких, как ты, здесь, в Лос-Анджелесе, как песка на пляже.

Парень не ответил. По-видимому, ждал объяснений. Эдюля защелкнул на нем, как наручники, презрительный взгляд.

– А согласишься – не пожалеешь!

Гость выдержал его взгляд. «Видно, ему очень не хочется распрощаться с перспективой хороших денег», – подумал Эдюля.

– Но...

– Без всяких «но»! Берешься или нет? Расходы тебе оплачиваю я, понял? И не тяни. Таких как ты – навалом.

Он затягивал Кларка в трясину подлости. Несчастливая судьба снова сыграла со Стенли злую шутку. Легкий фарс неожиданно обернулся драмой... Но выбора у него не оставалось.

Эдюля понял: парень согласится! И даже поощрительно похлопал его по плечу.

– Постарайся. Ведь есть из-за чего, а?

Но актер все еще мялся в нерешительности.

– И учти: я человек влиятельный. На меня можно положиться, закрыв глаза. Тебе Шмулевич этого не сказал? Напрасно!

Теперь тон Эдюли был жестким. Пожалуй, даже грубым. Рыба болталась на крючке.

– Джошуа – мой друг. И если я его потом попрошу, он тебе подыщет неплохую роль.

И он помахал перед ликом парня указательным пальцем.

– Ну так да или нет? Денежки бесплатно никто никому не дает. Может, ты в этом сомневаешься? Мой юрист подготовит договор. Но там будет одно условие: если кому-то расскажешь о нашем разговоре – вернешь все с процентами. Ну, я не ростовщик, но процентов десять в месяц – это по-дружески, а?!

Парень застыл у двери.

– Не устраивает? Дверь открыта...

И Эдюля, гордо приподняв голову, наблюдал за реакцией Кларка. Тот стоял, не решаясь сделать шаг. Но Эдюля слишком хорошо разбирался в человеческих слабостях, чтобы усомниться, что дело сделано.

– Позвоню, когда договор будет подготовлен. Придешь и подпишешь. Все. Свободен!

Парень моргнул и стал собираться. Ох уж эти актеры...

– И учти: ты с ней поромантичнее, слышишь? Цветочки, вздохи, страсть! От такого сухаря-мужа, как у нее, вагина, наверное, совсем засохла...

Эдюля проводил гостя до двери и, захлопнув ее, возвратился в салон. Он был доволен собой. Даже очень! Ему и вправду все и всегда удавалось. Сбои случались редко. А если и доводилось ему падать, он всегда умудрялся совершить рискованнейшее сальто и приземлиться на ноги. Такие таланты даются судьбой далеко не каждому.

— 10 —

Подробности и детали плана Эдюля еще не проработал, но суть была уже ясна. Все сводилась к старой как мир схеме: треугольник ревности! Его это даже наполняло гордостью. Выходит, он не так прост, как могло бы показаться. Сфинкс! Неразгаданный иероглиф!

Но операция эта требовала не только творческого подхода и точного расчета, но и соблюдения строжайшей секретности. Вести себя надо было настолько аккуратно, чтобы фарфоровый домик удачного замысла не разбился вдребезги от какого-нибудь неловкого движения.

Разумеется, главное, чтобы обо всем не догадалась эта старая тварь – Джошуа Шмулевич. Этот поганец слишком подозрителен, впрочем, иначе бы он никогда не преуспел на своем поприще. Эдюля выяснил, что когда-то Джош баловался литературой и собирался стать писателем. Но довольно скоро убедился, что хлеба с маслом это ему не принесет, и перекалифицировался в ловца талантов. О потугах молодости Джошуа вспоминал с улыбкой, но зато на всю жизнь сохранил страсть к разгадыванию и коллекционированию характеров. Это получалось у него великолепно, и только Эдюля пока не находил определенного места в его коллекции. С одной стороны, он вызывал любопытство: где вы еще встретите такой талант выходить из выгребной ямы чистеньким, даже оказавшись на самом ее дне? Но с другой – вызывал чувство досады от своей непостижимости. В большинстве случаев Джошуа не мог предугадать, какое тот примет решение или как поступит, если речь пойдет о чем-то важном и серьезном.

– У тебя, Эдвард, кожа из резины, – размахивая в искреннем недоумении руками, философствовал Шмулевич. – Ее не прокусишь и не проколешь! Она растягивается. Не сморщивается. Это что, опыт вывернутой наизнанку российской действительности?

Профессиональный браковщик дарований, Джошуа воспринимал свою неудачу не просто как позорный провал, а как личное оскорбление. Эдюля же в ответ лишь презрительно похихикивал.

– Если бы я был режиссером, я бы снял о тебе фильм, – сказал ему однажды Джош, – и получил бы «Оскара». Ты текуч и непознаваем. Лишен формы и пуст. Но в тебе бродит какая-то тайная энергия. Скажи, а не было ли у твоих предков inferнальных генов?

– Каких-каких? – переспросил Эдюля, но Джошуа не ответил...

Гиперактивность Эдюлиного мозга унижала. Живучесть и приспособляемость приводили в раздражение. Чего тогда он, Джошуа Шмулевич, стоит, если не в состоянии постичь суть не очень умного, плохо образованного, но гениального проходимца?

Сам Эдюля всю эту интеллигентскую чушь искренне презирал. Если бы не его живучесть, ему бы никогда не выбраться из центрифуги конкуренции. Не спастись. Не остаться в живых. Ведь она работает круглые сутки, без выходных и даже без пауз. Перемалывает кости добрым девяти десятым попавшей в нее человеческой массы. Отходы сбрасываются в утиль.

Ни с какой идеологией его успех не связан, был уверен Эдюля. Его корни – в капризах генетики, в невероятном смещении текущих в нем кровей. Мать его по бабушке была еврейкой, а по деду – армянкой. А отец... Копаясь в архивах, он обнаружил в своем генеалогическом древе немало экзотики: немецкую бандершу и русского городского, армянского купца и турецкого банщика. И это еще не все...

Он ведь родился не в избалованной Европе, а на Кавказе, на Апшеронском полуострове, хищным клювом вонзающемся в Каспийское море. Кстати, «Каспийское» оно у европейцев, а у азербайджанцев было и остается «Хазарским». Ведь тысячу с чем-то лет назад вся эта территория, от Черного моря до Каспийского, несколько веков была под властью Хазарского каганата. А верхушка этого степного гиганта, чтобы не обращать против себя столкнувшиеся в смертельной схватке воинственный ислам и фанатичное христианство, выбрала своей религией иудаизм. Не помогло: запертое между двумя смертельно враждующими цивилизациями

государство распалось. Его доконала мясорубка войн: разделенная горным хребтом огромная территория рассыпалась на мелкие и враждебные анклавы.

Эдюля, где-то услышавший, что смешение чужеродных элементов всегда вызывает бурную реакцию отторжения, решил, что виной всему – этническая неразбериха на Кавказе. Этот район всегда был воротами из Азии в Европу, но населяли его склочные и импульсивные горцы, для которых собственное «я» было поводом для набегов и грабежа. Нация или народ, прочел он как-то в старом дореволюционном журнале, – цветная вставка на гигантском ковре истории. Возможно, этим и объяснялось его отношение к национальной проблеме вообще. В жизни, сказал он себе, все подчинено лишь краткосрочным интересам, и никакой мистики в данном вопросе не было и нет. Кто сильнее, тот и решает. А потому, если его спрашивали о том, кто он по национальности, Эдюля, давно выбрав самую многочисленную и влиятельную, отвечал, что он русский. И это никогда не вызывало в нем никакой раздвоенности или комплексов.

– 11 –

Свои недюжинные способности и манеру поведения сам Эдюля распознал довольно рано. Ему было тогда лет десять—одиннадцать. В том же доме и подъезде, где он жил с матерью, находилась квартира представительного, но более чем таинственного в его глазах жильца. Это был крупный мужчина лет сорока пяти – пятидесяти, с тщательно ухоженными усами, вкрадчивыми манерами и глубоким голосом. Звали его Нерсес Акопович Оганян. Он был директором самого крупного комиссионного магазина в Баку. Встречаясь с ним на лестнице, маман Адель обычно томно закатывала свои похожие на сливы глаза и бросала на него умильные взгляды. То же самое делали и другие дамы в округе. Но сам сосед лишь добродушно и многозначительно подмигивал. Зато для Эдюли встречи с ним всегда были праздником: «дядя Нерсес» доставал из внушительного портфеля обязательную плитку шоколада и одаривал ею мальчика.

– У меня трое таких, как ты...

По слухам, Нерсес Акопович был племянником крупного бакинского нефтепромышленника Вазгена Оганяна. Сам старик благополучно бежал во Францию, еще когда большевики только приближались к Баку. А вот племянник остался. Возможно, не так уж случайно. У таких людей, как его дядя, слишком много денег, чтобы суметь взять их с собой.

Сосед жил один. Женщины появлялись в его квартире так же тихо, как и исчезали. Мать рассказывала, что в Москве и Тбилиси у него были семьи, которые жили за его счет, и при том безбедно...

Однажды, играя во дворе, Эдюля обратил внимание на участкового милиционера. С ним разговаривали двое каких-то типов в штатском. Участковый показывал пальцем на окна квартиры Оганяна. Эдюле стало любопытно, и он прислушался.

– В одиннадцать лучше всего. Он спит. Понятых я подготовлю...

Что означало слово «понятые», Эдюля не знал, но догадывался, что оно далеко не безобидное.

Не подав виду, что он что-то услышал, Эдюля сел на трамвай и поехал в комиссионный магазин. Увидев соседского мальчика, Оганян удивился, но Эдюля, прижавшись к нему, что-то таинственно зашептал.

– Что, мальчик? Что? – Нерсес Акопович, улыбаясь, вальяжно нагнул к нему.

– О вас милиционер говорил кому-то. Они в одиннадцать вечера к вам придут. С понятыми. Кто это?

Сосед изменился в лице, сразу поняв, что имел в виду Эдюля. Отвел мальчика в свой кабинет, а там положил перед ним уже не только плитку шоколада, но и пачку денежных купюр.

– Возьми, это тебе, сынок. Поможешь маме, как ты помог мне.

Подумав, он поджал губы и неожиданно спросил:

– А если я тебя попрошу что-нибудь спрятать? Сможешь?

– Ну да! – кивнул Эдюля.

Так они стали друзьями. Всякий раз, когда соседу грозила опасность, его выручал Эдюля. Прятал деньги, ценности, облигации. Он повадился приходить в комиссионный магазин. Приглаживался, прислушивался, старался услужить. Сосед говорил всем, что это его племянник. А когда Эдюля подрос, стал даже кое-что поручать ему: пойди, отнеси, возьми, достань...

Постепенно сосед стал подбрасывать Эдюле вещи для продажи на стороне. Разумеется, за комиссионные, и очень щедрые. Сначала это были почтовые марки, часы, джинсы. Потом, когда Эдюля освоился, – костюмы, отрезы, даже шубы и драгоценности. В стране извечного дефицита изворотливость и умение найти нужных людей не имели цены. За Эдюлей буквально

охотились: он мог достать то, чего не могли другие. Но делал он это все, как и учил его сосед, крайне осторожно.

В пятнадцать Эдюля вновь озадачил его своей редкой сообразительностью. Главное в комиссионной торговле – скрыть следы: от кого и что приобретено и кому продано. Эдюле пришло в голову, что с мертвых ведь ничего потребовать нельзя. И он придумал трюк с траурными объявлениями. Сосед платил чиновникам местных органов только за то, что они снабжали его паспортными данными умерших. Написать потом квитанцию задним числом особого труда уже не составляло. И если вдруг кто-нибудь приходил с ревизией, выяснялось, что найти продавшего в комиссионный магазин ценную вещь можно только на кладбище.

Единственное, чем Эдюля не мог похвастаться, так это школьные успехи. Но и здесь он обнаружил золотую жилу. Как-то он обратил внимание на взгляды и жесты, которыми обменивались учительница математики и учитель физики. А однажды даже умудрился стянуть из школьной лаборатории записку о месте свидания таящихся от всех любовников. После короткого разговора с физиком он получал по обоим ненавистным предметам только хорошие оценки. Не только, кстати, он: и те, за кого он просил.

Когда пришло время поступать в университет, сосед сообщил испуганному Эдюле, что он знает, кому и сколько надо дать, чтобы его приняли на исторический факультет.

– Но это ведь такие деньги, дядя Нерсес...

– Для тебя не жалко, – погладил свои холеные усы постаревший сосед.

– Я вам все возвращу! – взволнованно пообещал Эдюля.

Благодетель улыбнулся:

– Не сомневаюсь! Не все можно измерить в деньгах, сынок! Не все! Разве дружбу измеришь? А преданность?

Он знал, что Эдюля умеет молчать, как могила, и иногда рассказывал ему то, что никому другому не решился бы. Правда, чаще всего не называя того, о ком шла речь. Осторожный всегда осторожен. Вот так же случайно он поведал ему как-то раз:

– У меня знакомый один есть. Хороший человек. Очень хороший! И денег много. В тюремной колонии три цеха открыл. Пластмассовый, пошивочный и столярный. Заключение работают, а деньги – ему, тюремному и всякому другому начальству идут. Но...

– А что «но», дядя Нерсес? Все ведь шито-крыто. Все куплены.

– Иногда этого мало.

Эдюля непонимающе уставился на него. Такого признания от его соседа и гуру можно было ожидать меньше всего.

– Ты слышал что-нибудь о Гасане Бале? – спросил он Эдюлю.

Гасан Бала был бандитом экстра-класса...

– Конечно, – удивился Эдюля. – Кто о нем не слышал!

– Гасан Бала требует свою долю. Большую. Если мой друг будет и ему еще платить, что ему самому останется? Он не только за себя боится – за детей тоже.

И благодетель огорченно вздохнул.

– Видишь, даже деньги не всегда могут помочь.

– А убрать его нельзя?

– Кого? – вздрогнул сосед.

– Гасана Балу, – несколько нерешительно ответил Эдюля.

И рассказал соседу неожиданно пришедшую ему на ум мысль. Сосед пристально посмотрел на Эдюлю, облилизал пересохшие губы и невнятно бросил:

– Поехали!

Он остановил на улице такси и попросил отвезти их в Кишлы². Там в довольно невзрачном строении Эдюля встретился с подпольным миллионером. Когда гуру и сосед рассказал тому об Эдюлиной идее, тот долго и сосредоточенно молчал. Потом подошел к скрытому за загородкой сейфу, достал оттуда толстую пачку ассигнаций и положил на стол перед Эдюлей.

На обратном пути цеховик отвез их к электричке на своей «Волге». На всякий случай они сели в поезд. Рисковать лишним раз Нерсес Оганян не хотел. Зачем привлекать к себе лишнее внимание?

Он так и не купил себе машину. А когда Эдюля как-то раз спросил его почему, ответил, ухмыльнувшись:

– Я не одну – десять могу купить. Если когда-нибудь в Париж к родственникам уеду – там куплю. – И, скривившись, добавил: – У пажоново конец плохой.

План Эдюли был гениально прост. Приглашенные из соседнего Дагестана джигиты выследили потерявшего бдительность Гасана Балу. Вместе с подпольным миллионером они сидели в его «Волге» и, когда бандит переходил улицу, рванули, сбив его насмерть. Миллионера-заказчика они сразу отвезли подальше. Хорошенько отдубасив, они связали его, вставили кляп в рот и засунули в багажник собственной машины. Там его и нашли, полуживого, через пару часов милиционеры. Понятно, что попытки потом связать убийство Гасана Балы с миллионером ни к чему не привели. Ну, взял человек пассажиров каких-то. Тем более Гасана Балу. Разве мог он себе представить, что те с ним потом сделают? Да и гарантировать, что счастливчик миллионер не отблагодарил позже ретивых сыскарей, тоже нельзя.

Однако никакие успехи не могли дать Эдюле того, чего он больше всего жаждал: женского внимания. Неодолимая тяга к сексу проснулась в нем рано. В юности, он исподтишка заглядывался даже не на девочек – на зрелых женщин.

Он стал собирать и выменивать порнографические открытки. В основном это были еще военных времен трофейные фотографии из публичных домов Европы, попавшие в руки советских солдат и офицеров. Ими снабжал его сосед и гуру, и Эдюля на них неплохо зарабатывал. Сверстники и в особенности те, кто постарше, готовы были платить за них любую цену.

Когда в первый раз на кончике его пениса появилась слизь спермы, Эдюля испугался. Но потом, онанируя, стал испытывать еще более мучительное блаженство. Чем больше он об этом думал и представлял себе, как он это делает, тем недостижимей казалась мечта. Она преследовала его во сне и наяву, и он не мог избавиться от нее, как ни старался. Эдюля отдал бы все на свете, чтобы испытать прикосновение к настоящей женщине.

Однажды он оказался в переполненном трамвае с подругой матери – Розой. В толкучке он пристроился за ней и, случайно прижавшись сзади к ее ягодицам, почувствовал, что не в состоянии остановиться. Он взмок, представляя себя рядом с Розой в кровати. Эдюля выбежал из вагона трамвая на ближайшей остановке и скрылся в первой попавшейся подворотне...

А вечером к ним домой пришла сама Роза. Она дождалась момента, когда Адель, мать Эдюли, что-то шпарила и парила в крохотной кухоньке, и приблизилась к ставшему морковного цвета мальчишке.

– Никогда... Никогда, Эдюля, больше этого со мной не делай, понял?! Я, может быть, и б***ь, но ты мне как сын. И потом, ты мне платье испачкал.

– Только маме не говори! – взмолился он.

Роза кивнула и погладила его по голове.

Сколько ему было, когда он отловил на приморском бульваре шлюху и предложил ей деньги?! Сказать, что он получил большое удовольствие, было нельзя. Но от дурной крови все же избавился.

---

² Кишлы – пригород Баку в то время

Несколько позже, сидя в крохотной душевой, он остервенело десятки раз мылил и тер свой член мылом. Конечно, ему было противно, и он жалел себя, что такой трус и не обзавелся вовремя кондомом. И что еще обидней – в результате не испытал по-настоящему того, к чему так рьяно и так неотрывно стремился. Но он успокаивал себя тем, что это только начало. И если у него в кармане заведутся рублики, он еще свое наверстает. Найдет себе женщину гораздо лучше, чище и куда как приятней.

Такие путешествия в прошлое были для Эдюли лишь поводом убедиться, что ум куда ценнее, чем любой талант. Главное было – поквитаться с Фрэнком Бауэром.

– Сволочь! – приходил он в ярость и утешал себя тем, что расправится с ним раз и навсегда.

– 12 –

Фрэнк сидел в своем кабинете, покуривая сигару, и раздумывал о своей следующей книге. Он даже придумал ей название: «Проктология³ политики». Провокационно, но сразу подчеркивает смысл. Он ведь историк, не врач, но задница нужна, чтобы найти причину болезни.

Внезапно кто-то постучал в дверь его кабинета.

– Да! – с вальяжной снисходительностью отозвался он.

В дверь с подчеркнутой небрежностью вошел парень.

– Профессор Браун? – в ответ на кивок Фрэнка представился он. – Стенли Кларк. Меня послал к вам Джошуа Шмулевич.

У молодого человека было приятное лицо, небрежно уложенная сзади коса цвета расплавленного золота и ясные голубые глаза. Взгляд их показался Фрэнку не очень уверенным, пожалуй, даже ищущим.

– Вот оно что? Джошуа Шмулевич?! – изобразил удивление Фрэнк и постучал ногтями по лакированной поверхности стола. Рядом с компьютером и факсом горбилась пачка листов. Они наслаивались один на другой, как чуть сдвинутая колода карт.

Гость еще не знал, как ему себя вести. Инстинктивное недоверие боролось в нем с полудетской надеждой на чудо. А что, если он получит деньги сразу от обоих?

На полках с книгами стояло несколько фотографий жены Фрэнка – Нэнси.

– И чем я могу быть вам полезен? – обвел Фрэнк парня оценивающим взглядом.

Тот невольно поморщился.

– Сказал, что речь пойдет о политике, – нехотя выдавил он из себя, – но вы сами все объясните.

Фрэнк кивнул, открыл ящик письменного стола и извлек оттуда сигару. Покрутив ее в руках, предложил гостю:

– Хотите? Нет? А жаль! Это кубинские. Контрабанда...

Парень бросил на него косой взгляд, но тут же отвел глаза в сторону.

---

³ Проктология – раздел медицины, изучающий болезни прямой кишки. Проктос по-гречески задний проход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.